

РАЗВОД
с чужим отцом

Ксения Соболева

Развод с чужим отцом

<https://litres.ru/74227402>

Аннотация

— Миша останется со мной, — спокойно говорит муж, будто мы обсуждаем не развод, а покупку нового дивана. — Ты будешь видеть его по выходным. Может быть.

Я смотрю на человека, с которым прожила пятнадцать лет, и не узнаю его.

— С чего ты решил, что суд отдаст тебе сына?

Олег усмехается и кладёт передо мной папку. Заключение психолога. Свидетельские показания. Документы, о существовании которых я даже не знала.

Из меня заранее сделали истеричку. Плохую мать. Женщину, которой нельзя доверять ребёнка.

А вечером к моему дому приезжает лучший друг мужа.

— Вера, ты должна сделать тест ДНК.

— Зачем?

Максим долго молчит. Смотрит на моего сына, стоящего за моей спиной, и бледнеет.

— Потому что Олег не может быть его отцом.

Мне казалось, развод — худшее, что могло случиться с нашей семьёй.

Я ошибалась.

Дорогие читатели, я завела собственный ТГ канал, который называется "Миры Ксении Соболевой". Буду рада, если подпишетесь. Так мы сможем оставаться на связи и быть ближе друг к другу. Канал можно найти через общий поиск. В нем анонсы, размышления, арты и прочее. Буду рада видеть Вас там!

Содержание

Глава 1. Папка на кухонном столе	5
Глава 2. Мама по выходным	24
Глава 3. Друг семьи	50
Глава 4. Редкая аллергия	79
Глава 5. Чужая фотография	112
Глава 6. Не может быть его сыном	158
Глава 7. Женщина, которой солгали все	196
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Глава 1. Папка на кухонном столе

Когда Олег вошёл в квартиру, я как раз пыталась отмыть от столешницы засохшее пятно какао.

Пятно не отмывалось. Оно появилось утром, когда Миша в очередной раз решил, что способен одновременно завтракать, проверять домашнюю работу по алгебре и смотреть на телефоне видео о том, как собрать компьютер из деталей, заказанных на китайском сайте. Итогом его утренней многозадачности стали забытый на тумбочке пенал, опрокинутая кружка и молчаливое обещание вечером обсудить, почему за контрольную по математике он получил тройку, хотя ещё вчера уверял меня, что всё понял.

Я оставила пенал у себя в сумке и отвезла его в школу по пути на работу. Каким-то чудом не опоздала на совещание. В обеденный перерыв позвонила классной руководительнице. После работы зашла в магазин, потому что дома закончились молоко и хлеб. По дороге успела ответить Мише на пять сообщений: можно ли ему задержаться у Артёма, почему нельзя задержаться у Артёма до десяти вечера, куплю ли я пиццу, можно ли всё-таки заказать пиццу вместо нормального ужина и почему я читаю сообщения, но не отвечаю немедленно.

Обычный вторник. Один из сотен вечеров, которые проходят мимо тебя почти незаметно, пока ты разгружаешь сти-

ральную машину, проверяешь школьный дневник и пытаешься вспомнить, включила ли утром утюг.

Я услышала, как в прихожей повернулся ключ, и машинально посмотрела на часы над холодильником. Без десяти девять. Олег вернулся раньше, чем в последние несколько недель. Обычно он предупреждал коротким сообщением: «Задержусь. Не жди». Иногда ставил точку, иногда нет. По этой точке я уже научилась определять, насколько тяжёлым был его день и стоит ли задавать вопросы.

В этот раз сообщения не было.

— Ты рано, — сказала я, когда он появился в дверях кухни.

Олег снял пальто, перекинул его через спинку стула и несколько секунд смотрел на меня так внимательно, будто пытался понять, действительно ли перед ним его жена или незнакомая женщина, по ошибке оказавшаяся в нашей квартире. На нём был тот самый тёмно-синий костюм, который я подарила ему на прошлый день рождения. Рубашка расстёгнута у горла, галстук отсутствует, волосы чуть растрёпаны, но не от ветра. Олег всегда проводил ладонью по затылку, когда долго сидел за рулём или нервничал на переговорах.

Я подумала, что он снова поссорился с Максимом. Последние месяцы они постоянно спорили из-за каких-то контрактов, и каждый такой разговор оставлял после себя тяжёлое молчание, которое Олег приносил домой вместе с портфелем и укладывал между нами в постель.

— Нормально, — ответил он. — Миша дома?

— У себя. Делает уроки.

Сверху почти сразу донёсся глухой удар, а следом приглушённое ругательство. Вероятно, наш сын в очередной раз уронил на пол учебник или собственное терпение. Я подняла голову, прислушалась, но Олег даже не улыбнулся. Раньше он обязательно крикнул бы: «Михаил Олегович, дом ещё пригодится людям!» Миша ответил бы что-нибудь возмущённое, и через минуту они уже спорили бы о том, кто должен заплатить за новый стул, если старый не выдержит очередного научного эксперимента.

Сегодня Олег не посмотрел в сторону лестницы.

Он подошёл к столу и поставил на него портфель. Кожанный, дорогой, почти новый. Я сама выбирала его прошлой зимой, когда старый начал расходиться по шву. Тогда Олег смеялся, говорил, что нормальный мужчина способен ещё два года ходить с чем угодно, лишь бы молния застёгивалась. Я настояла на покупке. Хотела сделать ему подарок без повода.

Теперь портфель почему-то казался чужим.

— Ты ужинал? — спросила я, опуская губку в раковину. — Я могу разогреть котлеты. Или там ещё суп остался. Только Миша съел почти всю сметану, хотя уверяет, что это был не он. Видимо, у нас завёлся очень голодный домовой.

— Вера, сядь.

Он произнёс это негромко, без раздражения. Именно по-

этому я не сразу поняла, что происходит.

— Что?

— Сядь, пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Такие слова не звучат случайно. Их не говорят перед рассказом о проблемах на работе или перед просьбой перенести отпуск. Они мгновенно меняют воздух в комнате, превращают знакомую кухню в место, где вот-вот объявят приговор.

Я вытерла ладони кухонным полотенцем и села напротив него. На краю стола лежала Мишина тетрадь по русскому языку, забытая после завтрака. На обложке он нарисовал ручкой какого-то зубастого монстра в короне и подписал: «Его величество причастный оборот». Я почти улыбнулась, но Олег расстегнул портфель, и улыбка исчезла сама собой.

Он достал тонкую синюю папку.

Самую обычную канцелярскую папку с прозрачным верхом, какие продаются в магазине у метро по двадцать рублей. Я смотрела на неё и никак не могла понять, почему мне вдруг захотелось встать, отойти к окну, открыть форточку и вдохнуть холодный мартовский воздух.

— Ты меня пугаешь, — сказала я.

— Я не хочу тебя пугать. Наоборот. Я хочу, чтобы мы решили всё спокойно.

Он положил папку перед собой, но не открыл. Ладонь осталась на обложке. Пальцы у Олега были длинные, ухоженные, с аккуратно подстриженными ногтями. Те самые пальцы когда-то застёгивали крошечные кнопки на Мишиных

ползунках, держали мою руку в родильной палате и неумело заплетали мне волосы, когда после операции я не могла поднять обе руки.

— Что решили? — спросила я.

Олег вздохнул. Не устало и не виновато. Скорее, так вздыхает человек, которому приходится объяснять очевидное кому-то менее разумному.

— Я подаю на развод.

Несколько секунд я слышала только гудение холодильника. Где-то наверху Миша включил музыку. Басовые удары проникали сквозь потолок и распадались в кухне на неровные, глухие толчки. За стеной у соседей лаяла собака. В окне отражалась женщина с растрёпанными волосами, в старой домашней футболке и фартуке, испачканном какао.

Наверное, я должна была сразу что-нибудь почувствовать. Боль, ярость, страх. Но внутри стало удивительно пусто, словно кто-то выключил звук не только в комнате, но и во мне самой.

— Что? — переспросила я.

— Я хочу развестись, — повторил он уже медленнее. — Мы давно к этому шли. Просто оба не хотели признать.

Я смотрела на его лицо и пыталась найти хотя бы одну знакомую черту. Морщинку у левого глаза. Едва заметный шрам на подбородке, который появился ещё в студенческие годы после какой-то нелепой драки. Светлую точку на виске, где волосы начали сесть раньше времени. Всё было на

месте. Передо мной сидел мой муж, с которым мы прожили пятнадцать лет. Мужчина, знавший, что я не переношу запах варёного лука, боюсь сдавать кровь из вены и обязательно плачу над финалом одного старого фильма, хотя смотрела его уже раз десять.

Только говорил он так, будто обсуждал расторжение неудачного договора аренды.

— Мы к этому шли? — повторила я. — Когда именно? Вчера утром, когда ты попросил забрать твои рубашки из химчистки? Или в воскресенье, когда мы ездили к твоей маме и ты рассказывал ей, что летом хотим отвезти Мишу на море?

— Не надо утрировать.

— Я не утрирую. Я пытаюсь понять, в какой момент наш брак закончился. Потому что ты, видимо, уже знаешь.

Олег отвёл взгляд, но ненадолго. В его глазах не было растерянности. Не было даже того мучительного напряжения, которого я ожидала увидеть. Он не собирался признаваться в измене, не просил прощения и не пытался подобрать правильные слова. Он пришёл подготовленным. Возможно, репетировал этот разговор в машине или в чужой квартире, где последние недели проводил вечера, пока я разогревала для него ужин и ставила тарелку в холодильник.

— Неважно, когда именно это произошло, — сказал он. — Важно, что дальше жить так бессмысленно. Мы давно стали чужими людьми.

— Я не знала, что мы стали чужими.

— Ты не хотела замечать.

Его спокойствие начинало пугать сильнее, чем крик. С криком я хотя бы понимала бы, что он тоже живой, что ему больно, что эти пятнадцать лет не исчезли за одну поездку на лифте от первого этажа до нашей квартиры. Но Олег был собран и почти безупречно вежлив. Таким я видела его на деловых встречах, когда он заранее знал, что собеседник проиграл переговоры, но пока позволял ему сохранять иллюзию выбора.

— У тебя кто-то есть? — спросила я.

Он чуть заметно поморщился.

— Сейчас это не имеет значения.

— Для меня имеет.

— Вера, мы не подростки. Не нужно превращать всё в истерику.

Слово ударило слишком точно. Я ещё не повысила голос. Даже не встала из-за стола. Просто задала вопрос, который задала бы любая жена, услышавшая вечером на собственной кухне, что её семейная жизнь завершена без её участия.

— Я не устраиваю истерику.

— Хорошо. Тогда давай говорить по существу.

Олег придвинул папку ближе ко мне и наконец убрал с неё руку.

— Я хочу, чтобы мы избежали скандалов. Ради Миши в первую очередь. Ему двенадцать лет. Он всё понимает, да-

же если кажется, что сидит у себя и ничего не слышит. Нам придётся вести себя разумно.

— Ты уже решил, как именно выглядит разумное поведение?

— Да.

Ответ прозвучал настолько просто, что я не сразу поверила собственным ушам.

— Квартира останется мне, — продолжил Олег. — Это логично. Я выплачиваю ипотеку, здесь находится мой кабинет, отсюда мне удобно ездить в офис. Тебе нет смысла содержать такую площадь одной.

Я медленно перевела взгляд на кухню. Белые фасады шкафов мы выбирали вместе. Олег хотел серые, потому что они практичнее, а я настояла на светлых. За два года на одном из ящиков появилась маленькая царапина — Миша задел его самокатом, когда решил, что прихожая слишком мала для тренировок. На подоконнике стоял горшок с полузасохшим базиликом, который я всё обещала пересадить. На холодильнике держались два магнита из Турции, расписание уроков и фотография, где мы втроем щурились от солнца на берегу моря.

— Мне нет смысла содержать такую площадь одной? — переспросила я. — А Миша?

Олег не отвёл глаз.

— Миша останется здесь.

Мне показалось, что музыка наверху стала громче. Потом

я поняла, что это шумит кровь в ушах.

— В смысле?

— В прямом. Для него так будет лучше. Здесь его комната, школа в десяти минутах ходьбы, друзья во дворе. Не нужно выдёргивать ребёнка из привычной среды только потому, что взрослые не смогли договориться.

— Я никуда не собираюсь его выдёргивать. И почему ты вообще решил, что я уйду из квартиры без сына?

Олег снова вздохнул, и на этот раз в его лице появилось нечто похожее на раздражение. Не злость. Усталость человека, вынужденного повторять очевидные вещи.

— Вера, давай не будем начинать.

— Начинать что? Разговаривать о нашем ребёнке? Ты пришёл домой, сказал, что разводишься со мной, забираешь квартиру и оставляешь Мишу себе. Что именно я должна сделать? Кивнуть и пойти собирать чемодан?

— Я не говорю, что ты не увидишь сына.

— Спасибо, — сказала я и сама услышала, каким чужим стал мой голос. — Очень великодушно.

— Ты сможешь проводить с ним время. Выходные, каникулы, праздники. Мы всё обсудим нормально. Я не хочу ограничивать ваше общение, если оно будет идти ему на пользу.

На пользу.

Эти два слова окончательно вытолкнули меня из оцепенения. Я почувствовала, как поднимается что-то тяжёлое, го-

рячее, почти животное. Не ярость даже — страх. Такой страх я испытывала только однажды, когда Мише было четыре года и он потерялся в огромном торговом центре. Тогда прошло не больше семи минут, прежде чем его нашли возле магазина игрушек, но за эти семь минут я успела представить всё, что может случиться с ребёнком, если ты на секунду отвернулась.

Сейчас никто не терялся. Миша сидел в своей комнате этажом выше. Но Олег уже говорил о нём так, будто между мной и сыном пролегло расстояние, которое придётся преодолевать по заранее утверждённому графику.

— Ты сошёл с ума, — тихо сказала я.

— Вот именно этого я хотел избежать.

Он открыл папку.

Внутри лежали бумаги. Несколько листов с печатями, копии каких-то справок, распечатки сообщений, таблицы. Олег развернул папку ко мне и подвинул через стол.

— Посмотри внимательно.

Я не стала брать её сразу. Смотрела на верхний лист, не понимая смысла слов. «Психологическое заключение». Ниже стояла фамилия специалиста, название частного центра и дата — три недели назад.

— Что это?

— Заключение психолога.

— Я вижу. Чьё?

— Мишино.

Пальцы у меня похолодели.

— Ты водил сына к психологу?

— Да.

— Без моего ведома?

— Он переживает непростой период. Я не обязан спрашивать у тебя разрешение на каждый разумный шаг.

Я взяла лист. Буквы расплывались перед глазами, и мне пришлось заставить себя читать медленнее.

«Несовершеннолетний демонстрирует повышенный уровень тревожности, связанный с эмоционально нестабильной обстановкой в семье...»
 «Отмечает частые перепады настроения матери...»
 «Испытывает страх перед конфликтами между родителями...»
 «Нуждается в предсказуемой, спокойной среде...»

Я перечитала последний абзац дважды. Потом подняла голову.

— Миша это говорил?

— Специалист проводил беседу. Я не вмешивался.

— Он говорил, что боится меня?

— Там не написано, что он боится тебя.

— Там написано, что я эмоционально нестабильна.

— Вера, ты действительно часто нервничаешь. Последние месяцы особенно. Это не обвинение, а факт.

Я осторожно положила лист обратно, будто бумага могла обжечь пальцы. Под ним оказалась копия моей медицинской выписки. Я узнала название клиники, в которой когда-то на-

блюдалась после рождения Миши. Тогда я почти не спала, плакала без причины, боялась оставаться одна с ребёнком и однажды позвонила врачу ночью, потому что мне показалось, будто сын слишком тихо дышит. Врач объяснил, что после тяжёлых родов и операции такое бывает, назначил лечение и посоветовал больше отдыхать.

Я никогда не скрывала этого от Олега. Он сам возил меня на приёмы. Сидел рядом в коридоре, держал за руку и повторял, что мы справимся.

Теперь копия той выписки лежала в папке с документами против меня.

— Где ты это взял?

— Неважно.

— Это моя медицинская карта.

— Часть документов хранилась дома.

— Я спрашиваю не об этом. Зачем ты это собрал?

— Чтобы всё решить цивилизованно.

Я подняла следующий лист. Показания соседки с первого этажа, Валентины Сергеевны. Женщины, которой я несколько раз помогала донести пакеты из магазина и однажды вызывала скорую, когда у неё подскочило давление. Она сообщала, что неоднократно слышала из нашей квартиры «повышенные голоса», а однажды видела меня «крайне возбуждённой и плачущей» возле подъезда.

Я вспомнила тот вечер. Миша не отвечал на телефон почти два часа, хотя обещал вернуться от Артёма в восемь.

Его мобильник разрядился, а сам он увлёкся компьютерной игрой и не заметил времени. Я обошла двор, позвонила нескольким его одноклассникам, потом стояла возле подъезда и пыталась дозвониться Олегу. Когда Миша наконец прибежал домой, я действительно плакала.

Олег знал, почему.

Он приехал через двадцать минут после того, как всё закончилось, обнял меня и сказал, что я слишком сильно себя накручиваю. Тогда это прозвучало почти ласково.

Теперь этот вечер тоже превратился в доказательство.

Под показаниями соседки лежали распечатки моих сообщений Олегу. Не все. Только те, которые при правильном подборе выглядели тревожно и навязчиво.

«Ты опять не отвечаешь. Всё нормально?»
 «Позвони, пожалуйста, когда сможешь».
 «Я волнуюсь. Ты обещал быть дома два часа назад».
 «Почему ты читаешь сообщения и молчишь?»
 «Олег, мы должны поговорить. Миша всё чувствует».

Я листала бумаги, и внутри становилось всё холоднее. Каждая отдельная фраза была правдой. Каждое событие действительно происходило. Но кто-то аккуратно вынул их из нашей жизни, как кусочки стекла из разбитого окна, и сложил в новую картинку. В этой картинке я выглядела женщиной, которая бесконечно звонит мужу, устраивает сцены, пугает ребёнка и не способна контролировать собственные эмоции.

— Как давно ты это готовишь? — спросила я.

Олег молчал.

— Три недели? Месяц? Полгода?

— Я ничего не готовил против тебя. Я собирал документы, потому что понимал: когда мы начнём говорить о разводе, тыотреагируешь именно так.

— Как?

— Эмоционально.

Я посмотрела на него и вдруг увидела не мужа, не отца моего ребёнка и даже не мужчину, который решил уйти к другой женщине. Передо мной сидел человек, заранее предусмотревший каждое моё движение. Если я повышу голос — он окажется прав. Если заплачу — он окажется прав. Если начну обвинять его, требовать объяснений или попытаюсь вырвать из его рук эту мерзкую папку — он снова окажется прав.

Мне оставалось только сидеть прямо, держать ладони на коленях и говорить как можно тише, пока собственная жизнь превращалась в юридический документ.

— Ты хочешь забрать у меня сына.

— Я хочу, чтобы Миша жил в спокойной обстановке.

— Со мной он жил в плохой обстановке?

— Ты сама понимаешь, что в последнее время тебе трудно справляться.

— С чем именно я не справляюсь, Олег? С работой? С домом? Со школой? С его врачами? С секцией? С твоей ма-

мой, которой я каждую неделю заказываю лекарства, потому что ты забываешь? С твоими рубашками, которые забираю из химчистки по дороге с работы? С твоими ужинами, которые я ставлю в холодильник, когда ты снова не приходишь домой вовремя?

Голос у меня всё-таки дрогнул. Олег заметил. Я увидела это по едва заметному движению его бровей и сразу поняла, что он мысленно поставил очередную галочку в невидимой таблице.

— Именно поэтому тебе нужно отдохнуть, — сказал он мягко. — Ты слишком долго тащила на себе всё и теперь не видишь, насколько измотана. Никто не говорит, что ты плохая мать. Но иногда хорошей матери нужно признать, что ребёнку будет лучше в другом месте.

— В другом месте? — переспросила я. — В его собственной комнате, но без меня?

— Не драматизируй.

Наверху скрипнула половица.

Мы оба замолчали.

Я обернулась к двери кухни и увидела Мишу. Он стоял на нижней ступеньке лестницы босиком, в старой серой футболке и спортивных штанах, которые давно стали коротковаты. Волосы торчали во все стороны, на правой щеке остался красный след от ладони — видимо, он лежал на кровати, пока делал вид, что учит уроки. В руках Миша держал телефон.

Он смотрел не на меня. На Олега.

— Пап, — сказал он тихо. — А куда мама уедет?

У меня перехватило дыхание.

Олег повернулся к сыну медленно, без резких движений. На его лице почти мгновенно появилось выражение спокойной взрослой заботы. Та самая мягкая серьёзность, с которой он разговаривал с Мишей, когда объяснял, почему нельзя бросать школу из-за одной плохой оценки или почему дедушка не выйдет из больницы так быстро, как нам хотелось бы.

— Миш, мы с мамой просто обсуждаем взрослые дела.

— Я слышал.

— Тебе не нужно сейчас об этом думать.

— Но она уедет?

Я встала. Стул царапнул пол слишком громко.

— Никто никуда не уедет, — сказала я и сразу поняла, что соврала. Не потому, что собиралась уходить. Потому что уже не знала, что будет завтра.

Миша наконец посмотрел на меня. В его глазах было то, чего я боялась больше любых папок, справок и свидетельских показаний: растерянность ребёнка, который ещё утром был уверен, что его дом существует всегда, а вечером обнаружил, что взрослые способны разобрать этот дом на части прямо у него на глазах.

— Вы разводитесь? — спросил он.

Я хотела подойти к нему, обнять, сказать, что всё будет

хорошо. Пусть не сегодня. Пусть не сразу. Но обязательно будет. Я сделала шаг, и Миша едва заметно отступил, будто не понимал, можно ли сейчас верить даже мне.

Олег поднялся первым.

— Давай я поговорю с ним, — сказал он.

Не попросил. Даже не посмотрел в мою сторону. Просто подошёл к сыну и положил ладонь ему на плечо.

— Пойдём, Михаил Олегович. Не стой босиком на холодном полу.

— Я хочу знать, что происходит.

— Я всё объясню.

Олег повёл его наверх. Миша обернулся на середине лестницы. Я стояла посреди кухни и смотрела на него снизу вверх, не зная, что сказать. Любое слово могло прозвучать как новая ложь. Любая попытка удержать его — как доказательство моей истерики.

Через несколько секунд дверь его комнаты закрылась.

Я осталась одна.

На плите тихо остывала кастрюля с супом. В раковине лежала губка, испачканная какао. На столе рядом с синей папкой стоял пакет молока, который я забыла убрать в холодильник. Всё выглядело так же, как пятнадцать минут назад. Только пятнадцать минут назад у меня был муж, дом и сын, которого никто не собирался делить по выходным и праздникам.

Я снова села и перелистнула последние страницы папки.

Там оказалась выписка со счёта. Нашего общего накопительного счёта, куда мы несколько лет откладывали деньги: на отпуск, ремонт в Мишиной комнате, непредвиденные расходы, его будущую учёбу. В верхней части документа стояла сегодняшняя дата.

Я достала телефон, открыла банковское приложение и попыталась перевести на карту небольшую сумму. Приложение несколько секунд загружалось, затем показало сообщение об ошибке.

«Операция недоступна».

Я попробовала войти в раздел накоплений. Счёт отображался, но любые действия были заблокированы.

В папке лежала ещё одна бумага. Я прочитала её один раз, потом второй, всё ещё надеясь, что неправильно поняла смысл.

Доступ к семейным накоплениям был временно ограничен.

Олег подготовил не только разговор. Он заранее позаботился о том, чтобы мне было некуда уйти и не на что нанять адвоката.

Наверху Миша что-то сказал. Я не разобрала слов. Затем послышался спокойный голос Олега — негромкий, уверенный, терпеливый. Так разговаривают взрослые, которым можно доверять.

Я закрыла папку и положила ладонь на прозрачную обложку.

Под ней белел первый лист психологического заключения.

Слова расплывались, но одна фраза всё ещё оставалась различимой.

«Эмоционально нестабильная обстановка, создаваемая матерью».

Я сидела на своей кухне, в своей квартире, среди вещей, которые выбирала годами, и впервые по-настоящему поняла: Олег не просто решил уйти.

Он собирался сделать так, чтобы вместе с ним из моей жизни исчезло всё остальное.

Даже мой сын.

Глава 2. Мама по выходным

Олег спустился на кухню через двадцать минут.

За это время молоко успело нагреться до комнатной температуры, суп окончательно остыл, а я прочитала одну и ту же страницу психологического заключения столько раз, что могла бы пересказать её по памяти. Слова уже не складывались в смысл. Они превратились в набор аккуратных чёрных знаков, под которыми стояла подпись женщины, никогда со мной не разговаривавшей, но почему-то решившей, что знает обо мне достаточно.

«Мать склонна к повышенной тревожности».
«Эмоционально вовлекает несовершеннолетнего в собственные переживания».
«Может бессознательно формировать у ребёнка чувство ответственности за её психологическое состояние».

Особенно долго я смотрела на последнее предложение.

Оно было написано гладко, профессионально и почти заботливо. Так, чтобы любой человек, открывший документ, сразу представил не женщину, которая двенадцать лет водила сына к врачам, стояла с ним над школьными проектами до полуночи и знала наизусть имена всех персонажей его любимой игры, а измученную, нервную мать, повисшую на собственном ребёнке тяжёлым грузом.

Мне захотелось позвонить этой женщине. Спросить,

сколько раз она видела Мишу. Знала ли она, что он ненавидит изюм, боится отвечать у доски, но никогда не признается в этом одноклассникам, и обязательно открывает окно перед сном, даже когда на улице мороз. Спрашивала ли она его хоть раз, кто помогает ему собирать портфель, кто помнит о тренировках, кто сидит рядом, когда у него болит живот перед контрольной.

Но я не позвонила.

Потому что Олег был прав хотя бы в одном: любое моё движение теперь можно было истолковать против меня. Если я начну звонить психологу поздно вечером, требовать объяснений и обвинять её в непрофессионализме, в следующей папке появится ещё одна запись. Ещё один аккуратный документ о женщине, которая не способна владеть собой.

Я сидела неподвижно и слушала шаги наверху.

Сначала хлопнула дверь Мишиной комнаты. Потом несколько секунд ничего не происходило. Затем скрипнула лестница, и Олег появился в дверях кухни. Он спускался медленно, словно за это время успел не только успокоить сына, но и окончательно убедиться, что всё идёт по составленному им плану.

— Он лёг, — сказал Олег.

— Что ты ему сказал?

Мой голос прозвучал тише, чем я ожидала. Не из осторожности даже. Просто внутри осталось слишком мало воздуха для громких слов.

— То, что должен был сказать взрослый человек. Что мы оба его любим. Что он ни в чём не виноват. Что иногда родители перестают жить вместе, но не перестают быть родителями.

— И что его мать будет приезжать к нему по выходным?

Олег устало посмотрел на меня, будто разговор уже начал его утомлять.

— Я не говорил ничего конкретного.

— Он спросил, куда я уеду.

— Потому что слышал часть нашего разговора. Я постарался его успокоить.

— Каким образом?

— Вера, сейчас почти десять вечера. Миша и так взвинчен. Не нужно идти к нему и вытаскивать подробности только для того, чтобы проверить мои слова.

Я подняла взгляд.

— Не нужно идти к моему сыну?

— Не передёргивай. Тебе самой нужно успокоиться.

Он сказал это ровно тем тоном, которым говорят с человеком, балансирующим на краю приступа. Не раздражённо, не грубо, а терпеливо. Снисходительно. С почти незаметной мягкостью, которая заставляла сомневаться не в нём, а в себе.

Я посмотрела на закрытую папку и внезапно поняла, что этот тон появился не сегодня.

Последние месяцы Олег всё чаще разговаривал со мной

именно так. Когда я спрашивала, почему он вернулся под утро, он отвечал, что мне нужно меньше себя накручивать. Когда я пыталась узнать, почему отменился наш семейный отпуск, он советовал не устраивать трагедию из каждой мелочи. Когда Миша получил две двойки подряд и я предложила поговорить с классным руководителем, Олег усмехнулся и сказал, что я способна превратить обычную подростковую лень в чрезвычайное происшествие федерального масштаба.

Раньше я воспринимала это как особенности его характера. Олег всегда был спокойнее меня. Умел закрыть ноутбук после тяжёлого рабочего дня и забыть о проблемах до утра. Мог не отвечать на сообщения часами, потому что был занят, и не понимал, почему мне трудно делать то же самое. Иногда его невозмутимость действительно помогала. Когда я нервничала, он обнимал меня и говорил, что всё решится.

Только теперь я впервые увидела: в какой-то момент он перестал меня успокаивать.

Он начал меня описывать.

— Как давно ты это собираешь? — спросила я.

— Мы уже говорили.

— Нет. Ты сказал, что хотел решить всё цивилизованно. Это не ответ.

Я снова открыла папку и переложила верхние листы в сторону. Под психологическим заключением, медицинской выпиской и показаниями Валентины Сергеевны лежало ещё несколько прозрачных файлов. Я не успела изучить их рань-

ше. Увидела только выписку со счёта, потому что после неё в голове словно погас свет.

Теперь я достала первый файл и выложила содержимое на стол.

Фотографии.

На первой была наша гостиная. Диван накрыт полиэтиленом, возле стены стоят коробки, пол заставлен банками с краской и строительными инструментами. В углу валяются Мишины кроссовки, на подоконнике — кружка и раскрытая пачка печенья. На следующем снимке кухня: посуда в раковине, пакеты на столешнице, разобранные дверцы шкафов прислонены к стене. Потом детская комната, где среди коробок стояла неубранная гладильная доска, а на кровати кучей лежала одежда.

Я несколько секунд смотрела на фотографии, не понимая, что именно вижу.

Потом вспомнила.

В октябре мы меняли двери и перекрашивали стены в коридоре. Ремонт должен был занять четыре дня, но растянулся почти на две недели. Рабочие то опаздывали, то исчезали, то привозили не те материалы. Пыль проникала повсюду, вещи приходилось перекладывать с места на место, а ужин несколько вечеров подряд мы ели из пластиковых контейнеров. Олег тогда почти не появлялся дома: у него шли переговоры с крупным клиентом. Я одна встречала мастеров, ездила в строительный магазин, работала и пыталась не сорвать-

ся на Мишу, который постоянно терял учебники в коробках.

В один из вечеров я расплакалась прямо в прихожей, потому что наступила на шуруп босой ногой, а потом обнаружила, что рабочие заляпали краской новый ламинат. Олег приехал поздно, оглядел квартиру и сказал, что всё не так страшно. Я помню, как он обнял меня за плечи, отвёл на кухню и налил вина.

Я решила, что он заботится обо мне.

Оказывается, перед этим он фотографировал беспорядок.

— Это что? — спросила я.

— Ты видишь.

— Я вижу нашу квартиру во время ремонта.

— Не только во время ремонта.

Олег сел напротив и сцепил пальцы на столе.

Я перелистнула снимки. Среди фотографий действительно были другие. Не такие очевидные. На одной — чашки в раковине, две тарелки и кастрюля, оставленная после ужина. На другой — Мишина форма, брошенная на спинку стула, и мои туфли возле дивана. На третьей — корзина с бельём в ванной. Ещё на одной — открытый шкаф, потому что утром я торопилась найти свитер и не закрыла дверцу.

Обычная жизнь.

Та самая жизнь, которая бывает в любой квартире, где люди не существуют ради рекламной съёмки мебели. Где двенадцатилетний мальчик бросает носки возле кровати, взрослые иногда моют посуду не сразу после еды, а женщина по-

сле восьми часов работы может оставить корзину с бельём до следующего вечера.

Но фотографии были сделаны так, чтобы выглядеть иначе.

Не как отдельные случайные эпизоды, а как последовательность. Как история дома, в котором никто не заботится о ребёнке.

— Ты ходил по квартире и фотографировал немытые чашки? — спросила я.

— Не преувеличивай.

— С какого момента ты начал это делать?

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет.

Олег отвернулся к окну. В стекле отражался его профиль — знакомый до мельчайших линий и одновременно чужой. Я знала этот поворот головы. Так он вёл себя на переговорах, когда считал вопрос неудобным и хотел показать собеседнику, что тот тратит время впустую.

— Я не собираюсь обсуждать каждую фотографию, — сказал он. — Ты сама знаешь, что в последнее время дома часто был бардак.

— Во время ремонта.

— Не только.

— Потому что я работаю, Олег. Потому что я одна занимаюсь домом. Потому что ты возвращаешься ночью и не знаешь даже, где лежит запасное постельное бельё.

— Я зарабатываю деньги.

— Я тоже зарабатываю.

— Ты прекрасно понимаешь, что наши доходы несопоставимы.

Он произнёс это без злости, почти буднично. Как факт, который не требует обсуждения. Его работа важнее моей. Его время дороже. Его усталость заслуживает тишины, ужина и чистых рубашек. Моя усталость превращает квартиру в доказательство неблагополучия.

Я посмотрела на фотографии ещё раз и внезапно заметила маленькую деталь. На одном из снимков в кадр попало окно. За ним было темно, а в стекле отражался человек с телефоном. Лица почти не видно, только силуэт и светлая рубашка.

Олег.

Он стоял посреди нашей гостиной и фотографировал разбросанные вещи не потому, что его возмущал беспорядок. Не потому, что хотел показать мне снимки и попросить навести порядок. Он собирал материал. Методично, спокойно, без единой ссоры.

— Когда ты решил уйти? — спросила я.

— Вера.

— В октябре? Раньше? Летом? Когда мы ездили к твоей маме на юбилей? Когда бронировали путёвки? Когда ты подарил мне серьги на годовщину и сказал, что следующие пятнадцать лет будут лучше первых?

Олег закрыл глаза на несколько секунд.

— Такие решения не принимаются за один день.

— Значит, ты действительно готовился месяцами.

— Я пытался понять, есть ли у нас шанс.

Я коротко рассмеялась. Смех получился неприятным, сухим, будто принадлежал другой женщине.

— Фотографировал посуду в раковине, чтобы понять, есть ли у нас шанс?

— Перестань выхватывать отдельные детали. Речь не о чашках и не о ремонте. Речь о твоём состоянии в целом.

— О моём состоянии?

— Ты постоянно нервничаешь. Контролируешь каждый шаг Миши. Звонишь ему по десять раз, если он задерживается на полчаса. Пишешь мне десятки сообщений. Устраиваешь сцены. Ты изматываешь себя и окружающих.

— Я пишу тебе, когда ты не приходишь ночевать домой.

— Я предупреждаю, что задержусь.

— В половине случаев уже после полуночи.

— Потому что знаю, какой будет реакция, если сообщу раньше. Ты начнёшь звонить, задавать вопросы, накручивать себя.

Я почувствовала, как внутри поднимается знакомая горячая волна. Самое страшное состояло в том, что часть его слов звучала правдоподобно. Да, я действительно тревожилась. Проверяла телефон, когда Миша задерживался. Не могла уснуть, пока Олег не возвращался домой. Звонила чаще, чем следовало. Последние месяцы я постоянно ощущала, что с

нашей семьёй что-то не так, хотя муж терпеливо убеждал меня в обратном.

Только теперь выяснилось: я не ошибалась.

Именно это он собирался использовать как доказательство моей нестабильности.

— Ты месяцами исчезал, молчал и заставлял меня сомневаться в себе, — сказала я. — А потом сохранял мои сообщения, чтобы показать, какая я нервная?

— Никто тебя не заставлял писать по пятнадцать сообщений подряд.

— Потому что ты не отвечал!

— У меня работа, Вера.

— До трёх часов ночи?

Олег не ответил сразу. Его лицо почти не изменилось, но пауза оказалась достаточной.

— У тебя есть другая женщина, — сказала я.

— Мы обсуждаем не это.

— Значит, есть.

— Даже если бы была, это ничего не меняет.

— Для тебя, возможно.

— Для решения вопроса о Мише это действительно не имеет значения. Суд не станет определять место жительства ребёнка на основании того, кто кому изменил. Там будут смотреть, с кем ему лучше, спокойнее и безопаснее.

Суд.

До этого момента слово звучало где-то на краю сознания.

Я понимала его значение, но не принимала всерьёз. Мне казалось невозможным, что человек, с которым мы выбирали имя сыну, спорили о прививках и сидели в одной палате после удаления аппендицита, действительно собирается пойти в суд и доказывать, что мне нельзя доверять собственного ребёнка.

Теперь Олег говорил об этом открыто. Уверенно. Словно уже консультировался с адвокатом и точно знал, какие аргументы сработают.

— Ты хочешь отсудить у меня Мишу, — произнесла я.

— Я хочу договориться без суда.

— На каких условиях?

Олег потянулся к папке и достал ещё несколько листов.

— Я подготовил проект соглашения. Ничего окончательного. Мы можем обсудить детали.

Он протянул бумаги, но я не взяла их.

— Какие условия?

— Миша остаётся жить здесь. Ты снимаешь квартиру неподалёку, чтобы не менять его привычный распорядок. Видишься с ним по выходным, забираешь на часть каникул. В будние дни — по согласованию, если это не мешает школе и секции.

Я смотрела на его губы и слышала слова по отдельности, будто он говорил на незнакомом языке.

— По согласованию с кем?

— Со мной.

— Я должна буду согласовывать с тобой, могу ли увидеть сына после работы?

— Вера, не превращай это в драму. Мы можем проявлять гибкость.

— Ты разрешишь мне иногда зайти к собственному ребёнку?

— Если начнёшь вести себя адекватно, никто не станет ограничивать ваше общение.

В комнате стало тихо.

Гудел холодильник. Тикали часы. Где-то далеко, за закрытым окном, проехала машина, и свет фар на секунду скользнул по стене. Я смотрела на Олега и впервые ясно поняла, что он не просто предлагает мне невыгодное соглашение. Он хочет, чтобы я согласилась с основной мыслью: право быть матерью теперь зависит от его оценки моего поведения.

Буду спокойной — получу дополнительный вечер с Мишей. Повышу голос — подтверждаю психологическое заключение. Задам слишком много вопросов — окажусь навязчивой. Заплачу — эмоционально нестабильной. Попробую бороться — эгоисткой, втягивающей ребёнка в конфликт.

Он уже построил комнату без дверей.

Мне оставалось войти и самой закрыть за собой замок.

— Я ничего не подпишу, — сказала я.

Олег не удивился.

— Я и не ожидал, что ты подпишешь сегодня. Тебе нужно время.

— Я не подпишу ни сегодня, ни завтра, ни через неделю.

— Хорошо.

— И я никуда не уеду без сына.

— Тогда всё будет решаться иначе.

Он сказал это тихо. Без угрозы. Но я услышала её яснее, чем если бы Олег ударил кулаком по столу.

— Что значит «иначе»?

— Значит, через адвокатов. С заключениями специалистов, показаниями свидетелей и оценкой условий, которые каждый из нас может предоставить ребёнку.

— Ты уже нашёл адвоката?

Олег промолчал.

Этого оказалось достаточно.

Я открыла следующий файл. Распечатки переписки. Сначала с Олегом, затем с моей подругой Наташей. Не вся переписка, конечно. Только отдельные фрагменты, аккуратно вырванные из контекста.

«Иногда мне хочется просто закрыться в комнате и никого не видеть».
«Я ужасная мать. Сегодня сорвалась на Мишу из-за ерунды».
«Боюсь, что однажды не выдержу».
«Не понимаю, почему Олег всё время молчит. Может, я действительно схожу с ума».
«Иногда кажется, что проще собрать вещи и исчезнуть хотя бы на неделю».

Я помнила каждое сообщение.

Первое написала после дня, когда на работе сорвался проект, у Миши поднялась температура, а Олег прислал в два

часа ночи короткое: «Не жди». Второе — когда сын нагрубил мне, потому что я запретила играть до утра, а я закричала в ответ и потом долго извинялась. Третье — после очередной бессонной ночи. Четвёртое — неделю назад, когда Олег вернулся домой с запахом незнакомых духов на воротнике рубашки и спокойно объяснил, что весь вечер сидел на деловом ужине рядом с женщиной.

Последнее сообщение я написала Наташе на эмоциях.

Не собиралась никуда исчезать. Просто устала настолько, что хотела хотя бы один день провести в тишине.

Теперь мои слова выглядели признанием женщины, мечтающей бросить семью.

— Ты читал мою переписку с Наташей?

— Она была открыта на планшете.

— И ты сделал скриншоты.

— Я сохранил то, что относится к делу.

— К делу, — повторила я.

Я подняла телефон и посмотрела на экран. Хотелось немедленно написать Наташе, позвонить, попросить приехать, рассказать всё, услышать голос человека, который знает меня не по тщательно подобранным фразам. Но я остановилась.

Если планшет всё ещё был связан с моим аккаунтом, Олег мог прочитать и этот разговор.

Впервые за пятнадцать лет брака мне стало страшно писать сообщения в собственной квартире.

— Ты залез в мою личную переписку, — сказала я.

— Я увидел, в каком ты состоянии. Это только подтвердило мои опасения.

— Твои опасения? Ты собирал против меня доказательства.

— Я собирал документы, которые могут понадобиться, если ты поставишь свои эмоции выше интересов сына.

— Ты заранее решил, что я это сделаю.

— Ты делаешь это прямо сейчас.

Я сжала пальцы под столом так сильно, что ногти впились в ладони. Боль помогла удержаться. Олег ждал реакции. Возможно, даже надеялся на неё. На крик, слёзы, обвинения. На что-то, что завтра можно будет пересказать адвокату, психологу или Валентине Сергеевне с первого этажа.

Я заставила себя выдохнуть.

— Хорошо, — сказала я. — Раз ты хочешь обсуждать всё спокойно, давай обсудим спокойно. Где я должна жить после того, как уйду из собственной квартиры?

Олег слегка расслабился. Видимо, решил, что я наконец начала мыслить разумно.

— Снимешь что-нибудь неподалёку. На первое время можно небольшую однокомнатную квартиру. Тебе одной хватит.

— На какие деньги?

— У тебя есть зарплата.

— Моя карта заблокирована.

— Общий счёт временно заморожен, потому что мы начинаем раздел имущества. Твоя зарплатная карта работает.

— На ней меньше двадцати тысяч до конца месяца. Аренда квартиры в нашем районе стоит минимум пятьдесят.

— Я готов помочь первое время.

— Ты готов дать мне денег, чтобы я ушла из нашего дома без ребёнка?

Олег провёл ладонью по лицу.

— Вера, ты снова формулируешь всё так, чтобы звучало максимально драматично.

— Я формулирую так, как это есть.

— Нет. Ты видишь только попытку тебя унижить. Хотя я предлагаю взрослое решение. У Миши сохранится привычная жизнь. Тебе будет проще восстановиться. Мы постепенно выстроим нормальные отношения.

— Какие отношения?

— Родительские.

— По выходным.

Он не ответил.

Я посмотрела на проект соглашения и внезапно почувствовала не страх, а странную ясность. Олег действительно всё продумал. Не за один вечер и не за неделю. Он постепенно вынимал из нашей общей жизни отдельные куски, складывал их в папку и ждал момента, когда сможет показать мне готовую версию правды.

Наверняка у него был адвокат. Наверняка он уже знал, как

разделить счета, что сказать психологу, какие слова использовать при Мише. Возможно, знал даже, где я буду жить, когда уйду. Какую сумму согласится выдавать мне на аренду. В какие дни позволит забирать сына.

Он прожил наш развод заранее.

А я узнала о нём только сегодня.

— Там есть что-нибудь ещё? — спросила я.

— Достаточно, чтобы ты поняла серьёзность ситуации.

— Я хочу увидеть всё.

— Сейчас не время.

— Почему? Боишься, что я недостаточно спокойноотреагирую?

Олег посмотрел на меня долго и внимательно. Затем раскрыл последний прозрачный файл и вынул несколько листов. Я потянулась к ним, но он не отпустил сразу. На секунду бумага натянулась между нами, как тонкая белая граница.

— Не делай хуже, Вера, — сказал он. — Для всех нас. Особенно для Миши.

Я выдернула бумаги из его пальцев.

На первом листе оказалась копия моего старого обращения к неврологу. Не после родов — гораздо позже. Три года назад, когда у меня начались бессонница и панические приступы после смерти папы. Я несколько недель просыпалась среди ночи с ощущением, что не могу вдохнуть. Тогда Олег сам настоял, чтобы я пошла к врачу. Сказал, что не нужно стыдиться слабости и пытаться справиться со всем в одиноч-

ку.

Теперь слабость получила печать, дату и место в папке.

Дальше лежал рецепт на успокоительные препараты. Затем фотография упаковки таблеток в моей прикроватной тумбочке. Потом ещё одна выписка.

Я читала и чувствовала, как в груди становится пусто.

— Ты фотографировал мои лекарства?

— Они лежали на виду.

— В тумбочке.

— Вера, это не преступление.

— Ты открывал мою тумбочку.

— Я живу в этой квартире.

— Пока ещё со мной.

Он вздохнул, но ничего не сказал.

Я перевернула следующий лист и увидела таблицу. Даты, время, краткие записи.

«12 января. В. позвонила М. четыре раза за двадцать минут, пока он находился у одноклассника».
«18 января. Повысила голос на М. из-за несобранного портфеля».
«26 января. Плакала после разговора о школьных оценках».
«3 февраля. Конфликт с супругом при ребёнке».
«9 февраля. Потребовала немедленно сообщить местоположение М. после окончания тренировки».
«15 февраля. Повторная эмоциональная реакция на задержку супруга».

Я читала строчку за строчкой, и каждая дата открыва-

ла знакомый вечер. Ничего ужасного. Ничего такого, что не происходило бы в семьях тысяч людей. Я звонила сыну, потому что он не отвечал. Повысила голос, потому что уже третий день подряд он забывал тетради. Плакала, потому что устала и не знала, как помочь ему справиться со школой. Потребовала написать после тренировки, потому что на улице темнело рано, а дорогу возле спортивного центра ремонтировали.

Олег превратил материнскую тревогу в журнал наблюдений.

Я подняла голову.

— Ты записывал за мной.

— Не за тобой. Я фиксировал то, что происходило.

— Как давно?

— Несколько месяцев.

— Несколько месяцев ты возвращался домой, целовал меня, садился ужинать, а потом записывал, сколько раз я позвонила сыну?

— Я пытался понять, становится ли ситуация хуже.

— Какая ситуация?

— Твоё состояние.

На этот раз я не рассмеялась.

— У меня нет никакого состояния, Олег.

— Ты не можешь оценивать себя объективно.

— Зато можешь ты?

— Я вижу, что происходит с нашим ребёнком.

— С нашим ребёнком всё было нормально, пока ты не сказал ему, что его мать должна уйти из дома.

— Я ничего ему не говорил.

Сверху снова скрипнула ступенька.

Мы замолчали одновременно.

Миша стоял на лестнице почти там же, где двадцать минут назад. Только теперь он надел носки и толстовку. В руках у него не было телефона. Он держался за перила и смотрел на нас настороженно, словно пытался понять, безопасно ли спускаться ниже.

Я быстро собрала бумаги и закрыла папку. Слишком поздно. Он уже увидел фотографии, распечатки и наши лица.

— Ты почему не спишь? — спросил Олег.

— Я воды хотел.

— На кухне есть бутылка. Возьми и иди ложись.

Миша не двинулся.

— Вы опять ругаетесь?

— Мы не ругаемся, — ответил Олег.

— Я слышал.

— Мы разговариваем.

— Миша, — сказала я, заставляя голос звучать ровно, — иди сюда.

Он посмотрел на отца, потом на меня и медленно спустился. Я протянула руку, но он остановился в двух шагах от стола. Раньше он подошёл бы сразу. Даже теперь, когда почти дорос до моего плеча и считал объятия чем-то допустимым

только дома, где не видят одноклассники, всё равно позволил бы прижать себя хотя бы на несколько секунд.

Сегодня он держался чуть дальше.

— Всё хорошо, — сказала я. — Просто взрослые иногда обсуждают сложные вещи.

Миша нахмурился.

— Вы разводитесь?

Я почувствовала, как Олег посмотрел на меня. Не повернула голову. В этот момент существовал только мой сын, его напряжённые плечи и слишком взрослый взгляд.

— Похоже, да, — ответила я.

Слова дались тяжело, но ложь была бы хуже.

— Из-за меня?

— Нет. Никогда. Ты вообще ни при чём.

— А кто куда уедет?

Я сделала вдох.

— Пока никто никуда не уезжает.

— Папа сказал, что ты поживёшь отдельно.

Я медленно перевела взгляд на Олега.

Он не изменился в лице.

— Я сказал, что мы будем искать решение, — произнёс он.

— Нет, — возразил Миша. — Ты сказал, что маме нужно отдохнуть.

Олег поднялся из-за стола.

— Миш, сейчас не время.

— От меня? — спросил сын.

Он смотрел на меня.

Не на отца, который придумал это объяснение. Не на папку, лежащую между нами. На меня.

— Тебе нужно отдохнуть от меня? — повторил он.

Я встала так резко, что стул снова царапнул пол.

— Нет. Конечно нет.

— Папа сказал, ты устала. Что тебе тяжело и ты всё время нервничаешь.

— Миша...

— Я могу не играть вечером. И сам делать уроки. И вещи убирать. Я уже не маленький.

Каждое слово входило под рёбра медленно и точно. Я подошла к нему и всё-таки обняла. На этот раз он не отступил, но стоял напряжённо, не прижимаясь ко мне в ответ.

— Ты ничего не должен исправлять, — сказала я ему в волосы. — Слышишь? Ничего. Я не устала от тебя. Я никогда не захочу от тебя уехать.

— Но папа сказал...

— Папа неправильно объяснил.

— Вера, не надо, — спокойно произнёс Олег. — Не тягивай его в наш конфликт.

Я повернулась к нему, всё ещё удерживая Мишу за плечи.

— Это я тягиваю его?

— Не сейчас.

— Ты сказал нашему сыну, что его мать хочет отдохнуть

от него.

— Я попытался объяснить ситуацию так, чтобы не травмировать ребёнка.

— Ты попытался заранее объяснить ему, почему меня больше не будет дома.

— Прекрати.

В голосе Олега впервые появилась жёсткость. Не громкая, но настоящая. На секунду исчезла его терпеливая маска. Я увидела человека, который привык, что его решения принимают без сопротивления.

Миша вздрогнул.

Я сразу замолчала.

Вот оно.

Именно этого Олег и ждал. Не обязательно сознательно. Возможно, он просто слишком хорошо меня знал. Знал, что я не смогу спокойно слушать, как сын спрашивает, не стал ли он причиной моего ухода. Знал, что рано или поздно голос дрогнет, станет громче, вырвется из-под контроля. Знал, что рядом будет Миша.

А потом можно будет записать новую строчку.

«Эмоциональная реакция матери при ребёнке».

Я посмотрела на папку. На закрытую синюю обложку, под которой лежала вся моя жизнь, нарезанная на удобные фрагменты.

— Прости, — сказала я Мише. — Я не хотела говорить громко.

— Вы всё время будете ругаться?

— Нет.

— Ты точно никуда не уедешь?

Я замерла.

Хотелось ответить сразу. Пообещать. Сказать, что никто и никогда не сможет отнять у него маму. Что завтра утром мы проснёмся, позавтракаем, я напомним ему про физкультуру, а вечером проверю алгебру. Что наш дом останется домом, даже если Олег решил разрушить всё остальное.

Но я посмотрела на бумаги и поняла, что не имею права обещать того, чего пока не могу гарантировать.

— Я не брошу тебя, — сказала я. — Что бы ни случилось, я всегда буду рядом. Всегда.

— Это не то же самое.

Миша произнёс это тихо, но я услышала.

Он уже понял больше, чем я хотела. Дети всегда понимают слишком много, когда взрослые пытаются говорить осторожными словами.

Олег подошёл к нему и положил ладонь на плечо.

— Иди ложись, Миш. Утром в школу.

Сын сбросил его руку.

Движение получилось резким, почти испуганным. Олег нахмурился, но промолчал.

— Я могу сегодня у тебя поспать? — спросил Миша, глядя на меня.

Ему было двенадцать. Он уже давно считал себя слишком

взрослым, чтобы приходиться в нашу спальню после кошмаров. Даже когда болел, упрямо лежал у себя и разрешал только сидеть рядом, пока не уснёт.

Я кивнула.

— Конечно.

— А папа?

— Папа поспит в другой комнате, — сказала я.

Олег посмотрел на меня, но спорить при сыне не стал.

Мы поднялись наверх. Миша шёл впереди, сутулившись и глядя под ноги. Возле двери спальни он остановился, будто вспомнил что-то важное.

— Мам?

— Да?

— А если суд решит, что папа лучше, ты всё равно будешь приходиться?

Я не сразу поняла смысл вопроса.

Потом медленно обернулась.

Олег стоял на несколько ступенек ниже. В полумраке лестницы я видела только его лицо и руку, лежащую на перилах. Он смотрел на нас спокойно. Почти без выражения.

— Откуда ты знаешь про суд? — спросила я.

Миша опустил глаза.

— Папа сказал, что иногда взрослые не могут договориться сами. Тогда решают другие люди.

Я почувствовала, как ладонь сына выскользнула из моей руки.

Он вошёл в спальню и сел на край кровати, слишком прямой, слишком собранный для двенадцатилетнего мальчика. Я осталась в коридоре и смотрела на Олега сверху вниз.

Несколько часов назад я ещё думала, что самым страшным в этой папке были справки, фотографии и выписки.

Ошибалась.

Олег начал готовить не только документы.

Он готовил Мишу.

И пока я ничего не замечала, наш сын уже учился представлять жизнь, в которой мама приходит к нему по выходным.

Глава 3. Друг семьи

Утром Олег приготовил кофе.

Я проснулась почти сразу после пяти, хотя уснула не раньше трёх. Вернее, уснул Миша, а я всё это время лежала рядом, боясь пошевелиться и случайно разбудить его. Он занял почти всю мою половину кровати, забрал себе одеяло и несколько раз во сне прижимался лбом к моему плечу, как делал в детстве, когда заболел. Я смотрела в темноту и пыталась привыкнуть к мысли, что на другом краю постели никого нет.

Олег спал в кабинете.

Я слышала, как около полуночи он прошёл по коридору, открыл шкаф в гостевой комнате, потом снова спустился на кухню. В какой-то момент внизу зашумела вода. Он убирал со стола посуду, складывал бумаги, наверное, снова закрывал свою синюю папку и уносил её туда, где я не смогу добраться до неё без разрешения.

Хотя разрешения мне больше никто не собирался давать.

Когда за окном начало сереть, я осторожно выбралась из кровати и остановилась возле двери. Миша не проснулся. Лежал на боку, подложив ладонь под щёку, и казался младше своих двенадцати лет. Вечером он смотрел на меня слишком серьёзно, задавал вопросы, на которые взрослые иногда не находят честных ответов. Сейчас снова был просто ребён-

ком. Моим ребёнком.

Я прикрыла дверь и спустилась вниз.

Олег стоял у кофемашины в рубашке и брюках, будто ничего не произошло. Волосы влажные после душа, рукава застёгнуты, на столешнице рядом с ним лежали ключи от машины и телефон. В кухне пахло свежим кофе. На сковороде остывал омлет.

Обычно утром мы разговаривали мало. Олег просматривал сообщения, я собирала Мише завтрак и напоминала, что одного банана недостаточно, чтобы пережить шесть уроков и тренировку. Иногда мы спорили, кто сегодня отвезёт сына в школу. Иногда обсуждали, что купить к ужину или когда съездить к его маме.

Сегодня привычные движения выглядели почти непристойно.

На том же месте, где ночью лежала папка с документами против меня, стояла чашка с надписью «Лучший папа в мире». Миша подарил её Олегу несколько лет назад, раскрасив маркером белую коробку и нарисовав на крышке кривую медаль. Олег тогда смеялся, сказал, что теперь обязан пить только из неё, иначе официальный титул будет аннулирован.

Он действительно пил из этой чашки почти каждое утро.

— Кофе будешь? — спросил Олег.

Я остановилась в дверях.

— Нет.

— Тебе нужно поесть.

— Спасибо, не хочу.

Олег посмотрел на меня внимательно, но ничего не сказал. Вчерашняя холодная вежливость никуда не исчезла. Он словно уже перешёл в новый режим существования, где каждый наш разговор следовало проводить спокойно, аккуратно и желательно при невидимом протоколисте.

Я подошла к столешнице, взяла чайник и налила воду в чашку. Пальцы дрожали, поэтому крышка стукнула о край. Олег заметил. Конечно, заметил.

— Как Миша? — спросил он.

— Спит.

— Ему нужно вставать через двадцать минут.

— Я знаю.

— Сегодня лучше не вести его в школу.

Я повернулась.

— Почему?

— Он почти не спал. После вчерашнего разговора ему нужен день дома.

— Вчерашний разговор начал не он.

— Я не сказал, что виноват он.

— Ты хочешь оставить его дома с кем?

— Я могу поработать удалённо.

Это прозвучало разумно. Даже заботливо. Обычный отец видел, что сын расстроен, и хотел дать ему возможность прийти в себя. Только после ночи, проведённой рядом с Мишей, я уже не могла воспринимать ни одного жеста Олега

отдельно от папки.

— Нет, — сказала я. — Он пойдёт в школу.

— Вера.

— Ему нужна нормальная жизнь. Уроки, друзья, тренировки. Всё то, что было у него до того, как ты решил сообщить вечером, что мама будет приходить по выходным.

Олег сжал губы.

— Я не говорил этого.

— Ты рассказал ему про суд.

— Я объяснил, что происходит, в форме, доступной ребёнку его возраста.

— Ты начал объяснять ему наш развод до того, как сказал о нём мне.

На секунду в кухне стало слишком тихо. Кофемашина щёлкнула, переходя в режим ожидания. За окном медленно загорались окна соседнего дома. Где-то наверху скрипнула кровать — Миша ворочался во сне.

Олег поставил чашку на стол.

— Я пытался подготовить его к переменам.

— Пока я ничего не замечала?

— Пока ты отказывалась замечать очевидное.

— Я не знала, что мой муж несколько месяцев готовит развод и собирает фотографии немытых тарелок.

— Не начинай с утра.

— Ты ещё будешь решать, в какое время суток мне разрешено говорить о том, что происходит?

— Я прошу не устраивать сцен при Мише.

— Его здесь нет.

— Он может спуститься в любую минуту.

Я посмотрела на лестницу.

Он снова сделал это. Незаметно переставил слова так, что виноватой оказалась я. Не Олег, решивший разрушить семью и заранее подготовивший ребёнка к моему исчезновению. Не человек, который читал мои сообщения, фотографировал таблетки и записывал, сколько раз я звонила сыну. Я — потому что посмела спросить об этом недостаточно тихо.

Вчера я ещё пыталась доказать ему, что не сумасшедшая.

Сегодня впервые поняла: доказывать что-либо Олегу бессмысленно. Он уже назначил мне роль.

— Я отвезу Мишу сама, — сказала я.

— У тебя работа.

— Возьму отгул.

— У тебя важный проект.

— Откуда ты знаешь?

Олег слегка приподнял брови.

— Ты рассказывала.

Я действительно рассказывала. Несколько недель жаловалась на сроки, на заказчика, который меняет требования каждый день, на начальницу, пытающуюся одновременно удержать клиента и не довести отдел до нервного срыва. Олег слушал рассеянно, иногда кивал, чаще смотрел в телефон.

Теперь любое знание обо мне казалось частью чужого досье.

— Значит, сегодня рассказывать о работе я не буду, — ответила я.

Наверху открылась дверь.

Миша спускался медленно, придерживаясь за перила. Глаза опухли после сна, волосы торчали в разные стороны. На нём была та же толстовка, в которой он ночью пришёл на кухню. Он посмотрел сначала на меня, потом на Олега, будто пытался определить по нашим лицам, продолжился ли вчерашний разговор без него.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе.

— Как ты?

Миша пожал плечами.

— Нормально.

Дети быстро учатся отвечать «нормально», когда не хотят, чтобы взрослые продолжали расспрашивать. Ещё вчера он мог десять минут рассказывать, что у него болит горло именно справа, а не слева, и подробно объяснять, почему это принципиально важно. Сегодня спрятал руки в карманы толстовки и смотрел куда-то мимо меня.

— Я сделал омлет, — сказал Олег. — Садись.

Миша подошёл к столу и сел на своё место. Я поставила перед ним тарелку, достала сок из холодильника и поймала себя на том, что выполняю обычные утренние действия

слишком старательно. Как актриса, которой приказали сыграть семью, хотя декорации уже начали осыпаться.

— Ты сегодня останешься дома, — сказал Олег.

— Почему?

— Потому что поздно лёг.

Миша перевёл взгляд на меня.

— Я могу пойти в школу.

— Конечно можешь, — ответила я. — Я отвезу.

Олег ничего не сказал, но я почувствовала его раздражение почти физически. Оно появилось не в голосе, а в коротком движении челюсти. Он не привык, что решения, произнесённые спокойным тоном, приходится обсуждать.

— У нас самостоятельная по геометрии, — добавил Миша, ковыряя омлет вилкой. — Если не приду, Римма Геннадьевна скажет, что я специально.

— Ешь, — сказала я. — У тебя полчаса.

Миша кивнул и начал завтракать. Олег взял чашку, телефон и вышел из кухни.

Через несколько минут в прихожей хлопнула дверь.

Я подошла к окну. Машина Олега медленно выехала со двора и скрылась за поворотом. Только тогда позволила себе выдохнуть.

— Мам, — позвал Миша.

— Да?

— Ты сегодня заберёшь меня после уроков?

— Конечно.

— Сама?

— Сама.

Он посмотрел на тарелку.

— Не папа?

— Если хочешь, я.

— Хочу.

Я подошла ближе и коснулась его волос. Раньше Миша обязательно отмахнулся бы, заявил, что ему не пять лет, и попытался пригладить причёску ладонью. Сейчас только чуть наклонил голову, словно боялся, что я уберу руку слишком быстро.

— Ты точно придёшь? — спросил он.

— Точно.

— Даже если папа скажет, что не надо?

Я замерла.

— Даже если папа скажет, что не надо.

Он кивнул, но выражение лица не изменилось. Миша уже начал проверять мои обещания на прочность. Всего за один вечер Олег научил его сомневаться, останется ли мама рядом, если кто-то другой решит, что ей пора отдохнуть.

Я отвернулась к раковине, чтобы сын не увидел моего лица.

До школы мы ехали молча.

Обычно Миша включал музыку в телефоне, рассказывал последние новости класса или жаловался, что учителя договорились поставить все контрольные в одну неделю, чтобы

окончательно уничтожить человечество. Сегодня смотрел в окно и время от времени проверял время на экране. Я пыталась придумать, о чём заговорить, но любое обычное предложение казалось фальшивым.

Возле школьных ворот он расстегнул ремень безопасности, взял рюкзак и задержался на несколько секунд.

— Я напишу после уроков, — сказал он.

— Хорошо.

— И ты сразу ответь.

— Обязательно.

Миша открыл дверь, но не вышел.

— Мам?

— Да?

— Если ты снимешь квартиру, там будет место для меня?

Вопрос прозвучал настолько просто, что я не сразу смогла ответить.

Вчера Олег говорил о небольшой однокомнатной квартире. «Тебе одной хватит». Видимо, Миша слышал больше, чем мы думали. Или отец успел рассказать ему достаточно, чтобы сын уже пытался представить мою будущую жизнь без него.

— В любом доме, где буду жить я, всегда будет место для тебя, — сказала я.

— Даже если маленькая?

— Даже если придётся поставить кровать прямо на кухне и спать рядом с холодильником.

На секунду уголки его губ дрогнули.

— Он будет шуметь.

— Значит, выберем холодильник потише.

Миша наконец вышел из машины. Сделал несколько шагов, потом вернулся и быстро обнял меня через открытую дверь. Почти сразу отстранился, оглянулся, не заметил ли кто-нибудь из одноклассников, и побежал к школе.

Я смотрела ему вслед, пока он не исчез за воротами.

Только потом положила голову на руль и закрыла глаза.

Плакать было нельзя. Не потому, что рядом мог оказаться кто-то знакомый. Не потому, что через двадцать минут мне предстояло звонить начальнице и просить отгул. Просто я боялась начать и не остановиться.

Телефон завибрировал.

На экране появилось сообщение от Олега.

«Не настраивай Мишу против меня. Ему и так тяжело».

Я перечитала дважды. Потом набрала ответ:

«Я не настраиваю его против тебя. Он боится, что я исчезну».

Несколько секунд смотрела на текст и удалила.

Любое слово могло оказаться в новой распечатке. Любая попытка объясниться — ещё одним доказательством моей эмоциональности.

Я заблокировала телефон и поехала домой.

Утром во дворе было почти пусто. Большинство машин уже разъехались, дворник сгребал грязный снег к бордюру,

возле детской площадки вороны делили между собой кусок хлеба. Я поставила автомобиль на привычное место, заглушила двигатель и несколько секунд сидела, не решаясь выйти.

Мне предстояло подняться в квартиру, открыть ноутбук, позвонить начальнице, потом найти адвоката. Настоящего адвоката, не знакомого знакомых и не бесплатную консультацию в интернете. Человека, который сможет посмотреть на папку Олега и объяснить, насколько всё плохо.

Для этого нужны были деньги.

Я снова открыла банковское приложение. Зарплатная карта действительно работала. Семнадцать тысяч восемьсот сорок рублей до конца месяца. На накопительном счёте оставалась сумма, которую мы собирали несколько лет, но доступ к ней был ограничен. Я смотрела на цифры и чувствовала себя героиней какого-то дешёвого сериала, слишком наивной, чтобы вовремя понять очевидное.

У нас был общий бюджет. Олег зарабатывал больше, но я никогда не просила у него деньги. Не спрашивала разрешения купить себе пальто или записать Мишу на дополнительные занятия. Мы обсуждали крупные траты, откладывали, планировали отпуск. Мне казалось, что именно так выглядит нормальная семья.

Теперь оказалось, что общий бюджет был общим только до тех пор, пока Олегу это было удобно.

Я вышла из машины и направилась к подъезду.

— Вера.

Голос прозвучал справа, со стороны арки.

Я остановилась.

У ограды детской площадки стоял Максим Лавров.

Сначала я не узнала его. Не потому, что давно не видела. Максим приезжал к нам на Новый год, в феврале заходил на день рождения Олега, а несколько недель назад они вместе ужинали в ресторане с какими-то партнёрами. Просто обычно он выглядел иначе. Собранный, аккуратный, почти холодный. Тёмное пальто, костюм, часы на кожаном ремешке, короткие фразы и спокойная уверенность человека, привыкшего входить в любую комнату без суеты.

Сегодня на нём была тёмная куртка, расстёгнутая несмотря на холод. Волосы растрёпаны, под глазами залегли тени, словно он тоже не спал всю ночь. Максим стоял у ограды и держал телефон в руке, но при моём появлении сразу убрал его в карман.

— Максим? — спросила я.

— Привет.

Он сделал шаг ко мне и остановился, будто не знал, насколько близко имеет право подойти.

Максим был старым другом Олега. Именно старым — не моим.

Они учились вместе, начинали работать в одной компании, потом открыли собственный бизнес. На нашей свадьбе Максим стоял рядом с Олегом, держал кольца и произнёс ко-

роткий тост о том, что некоторые мужчины взрослеют только тогда, когда рядом появляется правильная женщина. Он помогал нам переезжать в первую съёмную квартиру, привёз из роддома огромный букет, который не помещался ни в одну вазу, и подарил Мише первую дорогую железную дорогу на пятилетие.

Он всегда присутствовал где-то рядом.

На семейных фотографиях держался чуть в стороне. На праздниках приходил позже остальных и уходил раньше. Мог час разговаривать с Олегом о делах, потом присесть возле Миши, спросить, как школа, послушать подробный рассказ о новом конструкторе и неожиданно запомнить больше, чем большинство родственников.

Но близкими мы не были.

Я никогда не звонила ему просто поговорить. Не знала, с кем он встречается, почему после тридцати пяти так и не женился и чем занимается в те редкие дни, когда не отвечает на звонки Олега. Иногда Максим появлялся в нашей жизни несколько раз за неделю, иногда исчезал на месяц. Он относился к людям с вежливой дистанцией, которую никто не пытался преодолеть.

Поэтому сейчас его присутствие возле нашего подъезда выглядело неправильно.

— Ты к Олегу? — спросила я.

— Нет.

Он ответил слишком быстро.

— Тогда ко мне?

Максим посмотрел в сторону подъезда.

— Миша где?

Вопрос прозвучал неожиданно. Не «как ты», не «дома ли Олег», не «можем ли поговорить».

Миша.

— В школе, — сказала я. — А что?

Максим едва заметно расслабился.

— Ты сама его отвезла?

— Да.

— Олег уехал?

— Несколько минут назад.

Он кивнул, но ничего не объяснил. Оглянулся на улицу, затем снова посмотрел на меня. В его лице было выражение, которого я никогда раньше не видела. Не деловая сосредоточенность и не раздражение после очередного спора с Олегом. Тревога. Настоящая, почти физическая.

— Что происходит? — спросила я.

— Олег говорил с тобой?

— Ты знаешь про развод?

Максим провёл ладонью по подбородку.

— Значит, говорил.

— Ты знал?

Вопрос вырвался слишком резко. Я сразу вспомнила вчерашний тон Олега, его предупреждения о сценах и эмоциях. Но рядом стоял не муж. Максим смотрел на меня не как на

женщину, которая вот-вот потеряет контроль. Скорее, как человек, пытающийся решить, какую часть правды можно сказать, чтобы не разрушить что-то окончательно.

— Вера, — начал он.

— Ты знал, что он собирается разводиться?

— Я знал, что у вас проблемы.

— У нас не было проблем.

Максим отвёл взгляд.

— Вернее, я не знала, что они у нас есть, — поправила я.

— Олег, видимо, знал. Ты тоже?

— Мы говорили не об этом.

— О чём тогда?

— Не здесь.

Он снова посмотрел на окна нашего дома. На четвёртом этаже, где находилась наша квартира, занавески в спальне были закрыты. Я оставила их так утром, чтобы не будить Мишу ярким светом. Теперь казалось, что кто-то может стоять за тканью и наблюдать за нами.

— Максим, ты пришёл ко мне во двор в восемь утра, спрашиваешь, где мой сын, и говоришь загадками. Если хочешь что-то сказать, скажи.

Он медленно выдохнул.

— Олег дал тебе документы?

— Да.

— Какие?

— Ты серьёзно?

— Мне нужно понять.

— Папку. Справки, фотографии, переписки. Заключение психолога. Проект соглашения, по которому я должна съехать из квартиры и видеть Мишу по выходным.

На последних словах голос всё-таки дрогнул. Максим заметил. В его лице что-то изменилось — не жалость, а почти ярость. Он быстро отвернулся к улице, будто боялся показать её мне.

— Сволочь, — сказал он тихо.

Я замерла.

За все годы знакомства я ни разу не слышала, чтобы Максим говорил об Олеге так. Они спорили. Иногда громко. Несколько раз на праздниках начинали обсуждать дела, и разговор быстро превращался в обмен короткими жёсткими фразами, после которого Олег уходил курить, а Максим молча допивал кофе и уезжал. Но даже тогда между ними сохранялось странное мужское единство. Они могли быть недовольны друг другом, однако оставались по одну сторону невидимой границы.

Сегодня Максим впервые стоял по другую.

— Ты знал про эту папку? — спросила я.

— Нет.

— Но знал, что он собирается забрать Мишу?

Максим посмотрел на меня.

Молчание длилось всего несколько секунд, но ответа я уже не ждала.

— Знал, — сказала я сама.

— Я подозревал, что он попытается.

— И не предупредил меня?

— Я узнал не так давно.

— Насколько давно?

— Вера...

— Неделю? Месяц? Полгода? Вы с Олегом вообще договорились, что все важные решения в моей жизни следует обсуждать без меня?

— Нет.

— Почему тогда ты здесь только сейчас?

Максим сжал губы. В его глазах мелькнуло что-то тяжёлое, почти мучительное.

— Потому что вчера я ещё надеялся, что он не зайдёт так далеко.

— А сегодня?

— Сегодня понял, что зашёл.

Я почувствовала, как холод пробирается под воротник пальто. На улице было всего несколько градусов ниже нуля, но ветер продувал двор насквозь. Максим стоял без шапки, с расстёгнутой курткой, и словно не замечал холода.

— Что ты хочешь мне сказать?

Он сделал шаг ближе.

— Ничего не подписывай.

— Я и не собиралась.

— Вообще ничего. Ни соглашение, ни заявления, ни бу-

маги по квартире. Даже если он скажет, что это временно или формальность. Даже если будет давить через Мишу.

Последняя фраза прозвучала особенно жёстко.

— Почему?

Максим посмотрел на меня так, будто ответ уже находился где-то рядом, но произнести его вслух он не мог.

— Потому что Олег умеет сделать так, чтобы его решение казалось единственно разумным.

— Это я уже поняла.

— Не до конца.

По спине пробежал холод.

— Что значит «не до конца»?

Максим снова оглянулся. Его взгляд скользнул по дороге, по припаркованным машинам, по въезду во двор. Он явно ждал чего-то или кого-то опасался увидеть.

— Давай встретимся сегодня, — сказал он. — Не здесь. Я напишу адрес.

— Почему не здесь?

— Потому что я не хочу, чтобы Олег знал о разговоре раньше времени.

Я смотрела на него и пыталась понять, что именно происходит. Ещё вчера мир был сложным, но знакомым: муж решил уйти, подготовил документы, хочет оставить сына себе. Это страшно, подло, но объяснимо. Люди разводятся. Делят квартиры. Ссорятся из-за детей. Нанимают адвокатов и вытаскивают наружу всё худшее, что накопилось за годы брака.

Однако Максим вёл себя так, будто речь шла не только о разводе.

— Ты меня пугаешь, — сказала я.

— Я не хотел.

— Тогда объясни нормально.

— Объясню. Только не сейчас.

— Почему ты спрашивал, где Миша?

Вопрос остановил его.

Максим не ответил сразу. Посмотрел в сторону школьной дороги, затем снова на меня.

— Хотел убедиться, что он не с Олегом.

— Зачем?

— Просто хотел.

— Это не ответ.

Он провёл ладонью по затылку. Жест показался неожиданно знакомым. Так делал Олег после тяжёлых переговоров или долгой дороги. Я заметила сходство и тут же разозлилась на себя. Наверное, все мужчины, работающие вместе пятнадцать лет, перенимают друг у друга движения.

— Вера, — тихо сказал Максим, — сейчас главное, чтобы Миша оставался с тобой.

— Почему? Олег собирается его куда-то увезти?

— Я не знаю.

— Но допускаешь?

Он посмотрел прямо мне в глаза.

— Я больше ничего не исключаю.

Из арки показалась знакомая чёрная машина.

Я узнала её раньше, чем успела рассмотреть номер. Олег.

Он действительно уехал десять минут назад, но теперь возвращался во двор. Возможно, забыл документы. Возможно, телефон. Возможно, сделал круг вокруг квартала, потому что хотел проверить, не совершаю ли я какую-нибудь эмоциональную ошибку сразу после его отъезда.

Максим тоже увидел автомобиль.

Его лицо мгновенно стало закрытым. Тревога исчезла, словно он опустил внутренний занавес. Передо мной снова стоял человек, которого я знала много лет: спокойный, собранный, привыкший принимать решения быстро.

— Я напишу, — сказал он.

— Максим, подожди.

— Не подписывай ничего.

— Что происходит?

Он задержался на секунду.

— И не говори Олегу, что мы разговаривали.

— Почему?

Максим посмотрел на приближающуюся машину, потом на меня.

— Потому что он постарается убедить тебя, что мне нельзя доверять.

— А тебе можно?

Вопрос прозвучал жёстче, чем я хотела. Максим не обиделся. Только чуть заметно усмехнулся, но в этой усмешке

не было ничего весёлого.

— Пока не знаю, — ответил он. — Но документы всё равно не подписывай.

Он повернулся и быстро пошёл к выходу из двора.

В этот момент из подъезда выбежал Миша.

Я не сразу поняла, откуда он взялся. Сын должен был сидеть на геометрии, записывать теоремы и беспокоиться о самостоятельной работе. Несколько секунд он просто стоял возле двери, тяжело дыша, с расстёгнутой курткой и рюкзаком за плечами.

— Миша?

Он посмотрел на меня виновато.

— Я тетрадь забыл. По истории. Римма Геннадьевна отпустила, потому что первый урок отменили. Я от школы бегом.

— Почему не позвонил?

— Телефон в рюкзаке не услышал.

Я уже хотела сказать, что нельзя бегать через дорогу, что нужно было написать, что он мог попросить меня привезти тетрадь. Обычные материнские слова почти сорвались с губ. Потом я увидела Максима.

Он остановился у арки.

Стоял спиной к выходу и смотрел на Мишу.

Не так, как взрослые обычно смотрят на детей друзей. Не с улыбкой, не с рассеянной симпатией, не с привычным вопросом о школе или тренировке. Его взгляд был слишком

внимательным. Слишком тяжёлым. В нём смешались облегчение, боль и что-то ещё, чему я не смогла подобрать название.

Миша заметил его и улыбнулся чуть увереннее, чем улыбался мне всё утро.

— Дядь Макс, привет.

— Привет, Миш.

Голос у Максима стал хриплым.

— Ты чего здесь?

— Заехал по делам.

— Папа тоже сейчас будет. Вон его машина.

Максим перевёл взгляд на чёрный автомобиль, который уже поворачивал к подъезду.

— Вижу.

Он хотел сказать что-то ещё. Я поняла это по тому, как он сделал шаг к Мише и остановился. Пальцы его правой руки сжались, будто он собирался положить ладонь сыну на плечо, но передумал.

— Как школа? — спросил Максим.

— Нормально. Геометрия дурацкая.

— Геометрия всегда была дурацкая.

— Папа говорит, ты хорошо учился.

— Папа преувеличивает.

Миша усмехнулся.

Автомобиль остановился возле подъезда.

Максим отступил.

— Ладно, беги за тетрадью, — сказал он. — Опоздаешь.
— Пока.

Миша исчез в подъезде. Я продолжала смотреть на Максима. Он всё ещё не двигался. Несколько секунд его взгляд оставался прикованным к закрывшейся двери.

Потом водительская дверь открылась.

Олег вышел из машины.

Он увидел Максима сразу. Его лицо почти не изменилось, только движения стали медленнее. В правой руке Олег держал папку — не синюю, другую, плотную, чёрную. Наверное, действительно забыл документы. Или хотел, чтобы мы так подумали.

Муж перевёл взгляд с Максима на меня.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответил Максим.

В его голосе не осталось ни тревоги, ни гнева. Обычная деловая вежливость.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Олег.

— Был неподалёку.

— И решил зайти?

— Решил.

Олег посмотрел на меня.

— Миша где?

— Поднялся за тетрадью. У них первый урок отменили.

— Почему он один вернулся?

— Потому что школа в десяти минутах ходьбы.

Олег слегка нахмурился, но не стал развивать тему. Наверняка позже она тоже появится в таблице. «Мать допустила самостоятельное передвижение несовершеннолетнего без сопровождения». Даже если этот несовершеннолетний каждый день ходил той же дорогой со второго класса.

— Ты спешил? — спросил Олег у Максима.

— Уже ухожу.

— Нам нужно поговорить.

— Позже.

— Это срочно.

Максим посмотрел на него долгим неподвижным взглядом.

— Всё срочное ты, кажется, уже сделал.

В воздухе между ними появилось напряжение, почти видимое. Я раньше замечала их конфликты, но никогда не понимала причины. Думала, обычные деловые разногласия двух мужчин, которые слишком давно работают вместе и давно перестали церемониться друг с другом.

Сейчас всё было иначе.

Олег смотрел на Максима не как на партнёра, с которым предстоит неприятный разговор.

Как на человека, который способен разрушить его план.

— Не лезь не в своё дело, — тихо сказал он.

Максим усмехнулся.

— Боюсь, поздновато.

В подъезде хлопнула дверь. Миша выбежал на улицу с тет-

радио в руке.

Мужчины замолчали одновременно.

— Нашёл, — объявил сын.

— Молодец, — сказал Олег. — Я отвезу тебя.

— Мам обещала забрать после уроков.

— Заберёт. А сейчас садись, всё равно мне по дороге.

Миша посмотрел на меня. Я кивнула.

— Езжай. После уроков буду ждать у ворот.

— Точно?

— Точно.

Он сел на заднее сиденье. Олег подошёл к машине, но перед тем, как открыть дверь, снова посмотрел на Максима.

— Позвони мне, — сказал он.

— Когда смогу.

— Сегодня.

— Не обещаю.

Олег ничего не ответил. Сел за руль и захлопнул дверь.

Машина выехала со двора.

Я стояла возле подъезда рядом с Максимом и смотрела ей вслед. Сердце билось слишком быстро, хотя ничего не произошло. Олег не кричал. Максим не рассказал ни одной тайны. Миша просто вернулся за забытой тетрадью и уехал в школу с отцом.

Только ощущение опасности не исчезло.

Наоборот, стало сильнее.

— Почему ты так на него смотрел? — спросила я.

Максим медленно повернул голову.

— На кого?

— На Мишу.

В его лице появилось что-то закрытое.

— Как смотрел?

— Ты прекрасно понял.

Он сунул руки в карманы куртки.

— Вера, не сейчас.

— Ты пришёл ко мне во двор, спрашивал, где мой сын, предупредил не подписывать документы и сказал, что больше ничего не исключает. Потом смотрел на Мишу так, будто...

Я замолчала.

Будто что?

Будто видел его впервые? Нет. Максим знал Мишу с рождения. Приезжал на праздники, приносил подарки, иногда забирал нас на машине, если Олег задерживался. Будто хотел запомнить? Будто боялся, что больше не увидит?

Слова не складывались.

— Будто что? — тихо спросил Максим.

— Не знаю.

Он кивнул.

— Я напишу адрес.

— Максим.

— Вера, пожалуйста. До нашего разговора ничего не подписывай. И постарайся сегодня не оставлять Мишу одного с

Олегом надолго.

— Он его отец.

Фраза прозвучала привычно, автоматически.

Максим вздрогнул едва заметно. Настолько слабо, что я могла бы решить: показалось.

— Я знаю, — сказал он после паузы.

Но прозвучало это странно.

Не уверенно. Не спокойно.

Словно он отвечал не мне, а самому себе.

Максим ушёл через арку, не оборачиваясь. Я смотрела ему вслед, пока он не исчез за углом. Потом поднялась в квартиру.

На кухне всё оставалось почти так же, как утром. Остывший омлет в тарелке Миши, кружка Олега возле кофемашины, хлебные крошки на столе. Я убрала еду в холодильник, вымыла чашки и только потом заметила, что ладони дрожат.

Телефон лежал возле раковины.

На экране горело новое сообщение от Олега.

«Что хотел Максим?»

Я смотрела на короткую строчку и понимала: муж написал почти сразу после того, как выехал со двора. Возможно, ещё до того, как довёз Мишу до школы.

Я набрала:

«Спроси у него».

Подумала и удалила.

Потом написала:

«Не знаю. Сказал, что был неподалёку».

Эту фразу тоже стёрла.

Вчера Олег научил меня бояться собственных сообщений. Сегодня Максим попросил скрыть от мужа наш разговор. Два человека, которых я знала много лет, разговаривали со мной так, будто я оказалась между ними в центре какой-то чужой войны, начавшейся задолго до вчерашнего вечера.

Наконец я просто заблокировала экран.

Через несколько секунд пришло второе сообщение.

«Вера, если он будет что-то говорить, не верь. Максим сейчас пытается использовать наш развод в своих целях».

Я перечитала фразу несколько раз.

Потом телефон снова завибрировал.

«Он не тот человек, которому можно доверять».

Я поставила мобильник на стол.

За окном по двору шёл Максим. Видимо, не уехал сразу: его машина стояла дальше, у магазина. Он двигался быстро, не глядя по сторонам. В какой-то момент остановился, достал телефон и посмотрел на экран.

Через несколько секунд сообщение пришло уже от него.

«Сегодня в семь. Кафе на Большой Ордынке. Дальний столик справа. Не говори Олегу».

Ни приветствия. Ни объяснений.

Только адрес и просьба о молчании.

Я подошла к окну ближе. Максим убрал телефон и поднял голову. На секунду мне показалось, что он смотрит прямо

на наши окна, хотя с улицы едва ли можно было разглядеть меня за стеклом.

Потом сел в машину и уехал.

Я осталась одна посреди кухни.

Вчера я думала, что самое страшное уже произошло. Муж решил забрать моего сына и подготовил документы, в которых превращал меня в женщину, неспособную быть матерью.

Сегодня стало ясно: я знала далеко не всё.

Олег хотел, чтобы я не верила Максиму.

Максим хотел, чтобы я ничего не рассказывала Олегу.

И оба говорили о Мише так, словно речь шла не просто о ребёнке, оказавшемся между разводящимися родителями.

Словно мой сын был причиной, по которой всё это началось.

Глава 4. Редкая аллергия

В половине первого мне позвонила классная руководительница.

До этого я почти четыре часа сидела за ноутбуком на кухне и делала вид, будто работаю. Открывала документы, перечитывала письма заказчика, исправляла один и тот же абзац презентации, а через несколько минут обнаруживала, что снова смотрю на телефон. Экран оставался тёмным. Ни новых сообщений от Максима, ни звонков от Олега.

Олег написал только один раз, около девяти утра.

«Миша доехал. Не забудь забрать после уроков».

Будто ничего не произошло. Будто накануне вечером он не положил передо мной папку, в которой месяцами собирал доказательства моей непригодности. Будто утром не стоял во дворе напротив человека, которого считал своим лучшим другом, и не смотрел на него с холодной ненавистью.

Я не ответила.

Сообщение Максима висело ниже.

«Сегодня в семь. Кафе на Большой Ордынке. Дальний столик справа. Не говори Олегу».

Я несколько раз собиралась написать, что не приду. Потом хотела потребовать объяснений прямо сейчас. Набирала вопросы, стирала и снова откладывала телефон. После вчерашнего вечера любое написанное слово казалось опасным.

Олег уже однажды превратил мою переписку в набор доказательств. Я не знала, имеет ли он доступ к аккаунту, читает ли сообщения с другого устройства, проверяет ли планшет, лежащий в кабинете.

В конце концов я выключила ноутбук и позвонила Наташе.

Не написала. Именно позвонила.

Подруга ответила почти сразу, сонным голосом, хотя был уже день.

— Ты чего так рано?

— Наташ, ты сегодня работаешь?

— Во вторую смену. А что случилось?

Я открыла рот и не смогла заговорить. Всё, что ночью казалось ясным и страшным, при попытке произнести вслух вдруг стало нелепым. Муж хочет развода. Муж сфотографировал посуду в раковине. Муж читал мои сообщения. Муж заблокировал деньги. Муж объяснил сыну, что мама будет жить отдельно и приезжать по выходным.

Отдельные фразы звучали как сцены из чужой жизни. Из плохого сериала, где героиня слишком долго не замечает очевидного, а зритель раздражённо ждёт, когда она наконец перестанет быть душой.

— Вер? — спросила Наташа уже серьёзнее. — Ты плачешь?

Я коснулась щеки и только тогда поняла, что она влажная.

— Нет. То есть да. Олег хочет развода.

Несколько секунд в трубке стояла тишина.

— Что?

— Вчера сказал. Уже всё подготовил. Документы, адвоката, соглашение. Хочет, чтобы Миша остался с ним.

— Подожди. Как это — остался с ним?

— Так. Я снимаю квартиру, забираю сына по выходным. Если буду вести себя адекватно.

Последнее слово получилось произнести только со второй попытки.

Наташа выругалась. Обычно она ругалась редко и исключительно по делу, поэтому я почти улыбнулась.

— Я сейчас приеду.

— Не надо.

— Вера, я не спрашиваю разрешения.

— Наташ, у меня работа. И нужно забрать Мишу после школы. Давай вечером.

— Ты одна?

Я посмотрела на пустую кухню.

Чашка Олега всё ещё стояла возле кофемашины. Я намеренно не стала её убирать. Белая кружка с надписью «Лучший папа в мире» раздражала одним своим существованием, но выбросить её я тоже не могла. Она принадлежала не только Олегу. Это был Мишин подарок. Кривые буквы выбирал сын. Он же несколько лет назад торжественно запретил всем остальным пользоваться папиной чашкой, даже если чистых больше не останется.

— Одна, — ответила я.

— А Олег?

— В офисе.

— Ты точно не подписала ничего?

Я закрыла глаза.

Вчера то же самое сказал Максим.

— Нет.

— Не подписывай. Вообще ничего. Даже если он будет говорить, что это формальность.

— Ты с Максимом сговорилась?

Фраза вырвалась сама собой. Наташа замолчала.

— С каким Максимом?

— Неважно.

— Вер, ты меня пугаешь.

— Я сама себя пугаю.

Я попыталась рассмеяться, но получилось плохо. Наташа пообещала приехать вечером, привезти еду и найти контакт хорошего семейного адвоката через коллегу сестры. Я поблагодарила, положила телефон на стол и несколько минут сидела неподвижно.

Всё происходило слишком быстро.

Ещё вчера утром я торопилась на работу, ругала Мишу за забытый пенал и думала, что Олег опять задержится вечером. Сегодня искала адвоката, боялась собственной переписки и пыталась понять, почему друг моего мужа просит скрыть от него встречу.

Звонок классной руководительницы застал меня в тот момент, когда я снова открыла презентацию.

— Вера Андреевна?

Голос Риммы Геннадьевны звучал необычно. Слишком быстро и слишком вежливо. Так говорят люди, которые стараются не паниковать, потому что понимают: их паника немедленно передастся собеседнику.

— Да.

— Вы можете приехать в школу?

Я уже встала из-за стола.

— Что случилось?

— У Миши, похоже, аллергическая реакция. Мы вызвали скорую. Медсестра сейчас с ним.

Мир не остановился. Ничего вокруг не изменилось. Холодильник продолжал гудеть, за окном сигналили машины, на экране ноутбука оставалась открытой таблица с диаграммами. Только моё тело мгновенно стало чужим: пальцы похолодели, в груди образовалась пустота, а ноги на секунду перестали понимать, куда нужно идти.

— Что значит «аллергическая реакция»?

— У него покраснело лицо, появилась сыпь. Он говорит, что тяжело дышать. Вера Андреевна, скорая уже едет. Вы далеко?

— Десять минут.

Я не помнила, как выключила ноутбук, надела пальто и спустилась к машине. Ключи долго не попадали в замок за-

жигания. Телефон выскользнул из руки и упал между сиденьями. Я вытащила его, набрала Олега и услышала длинные гудки.

Он не ответил.

Я позвонила ещё раз.

Потом третий.

«Абонент временно недоступен».

Сообщение появилось почти сразу после четвёртой попытки.

Я выехала со двора слишком резко, едва не задела припаркованную у подъезда машину и заставила себя сбросить скорость. Руки дрожали на руле. Перед глазами стояло Мишино лицо утром, когда он вернулся за тетрадь. Расстёгнутая куртка, растрёпанные волосы, виноватая улыбка. Совершенно здоровый ребёнок, торопящийся обратно в школу.

До школьных ворот я добралась за семь минут.

Скорая уже стояла возле центрального входа. Рядом толпились дети, которых учитель физкультуры пытался отвести подальше. Кто-то снимал происходящее на телефон, кто-то шептался. Я выскочила из машины, не закрыв дверь, и побежала к крыльцу.

— Вы мама? — спросила женщина в тёмно-синей форме.

— Да. Где он?

— В медицинском кабинете. Не бегите, пожалуйста.

Я всё равно побежала.

Миша сидел на кушетке, опираясь спиной на стену. Воз-

ле него стояла школьная медсестра и держала в руках какую-то упаковку. На шее у сына расползались красные пятна, веки заметно опухли, губы выглядели непривычно яркими. Он дышал часто, короткими вдохами, и пытался улыбнуться, когда увидел меня.

— Мам, привет.

— Мишенька.

Я опустилась перед ним на колени, не понимая, можно ли обнять, можно ли прикоснуться, не станет ли хуже от любого движения. Медсестра тихо попросила отойти, чтобы не мешать врачу, и я послушалась. Мгновенно. Без споров. В этот момент я была готова выполнить любую команду человека, который говорил уверенно.

— Что он ел? — спросил врач скорой.

— Я не знаю.

— На празднике была ярмарка, — вмешалась Римма Геннадьевна. Она стояла у двери и выглядела так, будто сама едва удерживается на ногах. — Родители принесли выпечку, соки, лимонад. У них сегодня школьная неделя проектов. Дети продавали сладости, собирали деньги на приют.

— Он что-нибудь ел необычное раньше?

— Миша, что ты пробовал? — спросила я.

Сын сглотнул.

— Кекс. И лимонад оранжевый. Там Артём ещё сказал, что он как химическая атака, но вкусный.

Даже сейчас попытался пошутить.

Я хотела улыбнуться, чтобы не напугать его ещё сильнее, но губы не слушались.

Врач задал ещё несколько вопросов, сделал укол, проверил дыхание и сказал, что Мишу нужно везти в больницу для наблюдения. Я кивала, не запоминая половины слов. Слышала только отдельные фрагменты: реакция сильная, отёк, дыхательные пути, наблюдение, анализы.

— Я с ним, — сказала я.

— Конечно.

Телефон снова завибрировал в кармане пальто.

Я достала его, надеясь увидеть имя Олега. На экране высветилось: «Максим Лавров».

Я смотрела несколько секунд, не понимая, почему он звонит именно сейчас. Потом приняла вызов.

— Да?

— Вера, ты сможешь приехать вечером?

Голос Максима звучал собранно и сухо, как обычно. На заднем фоне что-то хлопнуло, кто-то сказал несколько слов. Наверное, он был в офисе.

— Я не знаю.

— Что случилось?

Я открыла рот, но в этот момент из медицинского кабинета вынесли носилки. Миша лежал, накрытый тонким одеялом, и старательно делал вид, что не боится. Я пошла следом.

— У Миши аллергия, — сказала я. — Сильная. Мы едем в больницу.

На том конце провода стало тихо.

— Какая больница?

— Что?

— Вера, куда вас везут?

Я назвала адрес, который только что услышала от врача.

— Он дышит нормально?

— Я не знаю. Ему сделали укол.

— Пятна на шее есть?

Я остановилась возле машины скорой.

— Что?

— Пятна. На шее, под подбородком. Губы отекли? Глаза?

— Да.

Максим выругался негромко, почти сквозь зубы.

— Я приеду.

— Зачем?

— Приеду.

— Максим, я позвоню Олегу.

— Звони. Я всё равно приеду.

Он отключился прежде, чем я успела ответить.

Я села в машину скорой рядом с Мишей. Врач поправил датчик на его пальце, снова проверил давление и попросил меня не волноваться раньше времени. Реакция выглядела серьёзной, но помощь оказали быстро. Через несколько минут сын начал дышать свободнее. Красные пятна на лице пока не исчезали, однако перестали расползаться.

— Мам, — тихо сказал Миша.

— Я здесь.

— Не звони папе.

Я подумала, что ослышалась.

— Почему?

Он отвёл взгляд.

— Вы опять будете ругаться.

— Мы не будем.

— Он скажет, что ты паникуешь.

Я не ответила.

Миша лежал на носилках, измученный, испуганный, с опухшими веками, но даже сейчас думал не о себе. Он пытался предугадать нашу реакцию, избежать ссоры, защитить меня от очередного обвинения в истерике. Всего один вечер понадобился Олегу, чтобы сын начал воспринимать мою тревогу как опасность.

— Я имею право паниковать, когда моему ребёнку трудно дышать, — сказала я и осторожно погладила его по волосам.

— Но я не буду ругаться. Обещаю.

Телефон снова оказался в моей руке.

Олег ответил только с шестой попытки.

— Да.

Его голос звучал раздражённо и глухо, словно я оторвала его от важного разговора.

— Мишу увезли в больницу.

Пауза длилась меньше секунды, но я услышала, как изменилось его дыхание.

— Что произошло?

— Аллергическая реакция. В школе. Он съел что-то на ярмарке.

— Какая больница?

Я назвала адрес.

— Еду.

Он отключился сразу, без лишних вопросов.

В больнице нас приняли быстро. Мишу увезли в смотровую, меня попросили подождать в коридоре и заполнить документы. Я села на пластиковый стул возле окна, положила бумаги на колени и поняла, что не могу правильно написать дату рождения собственного сына.

Ручка дрожала.

Двенадцатое сентября. Конечно. Двенадцатое сентября две тысячи тринадцатого года. В половине шестого утра. В тот день шёл дождь, и Олег приехал в роддом с мокрыми волосами, потому что забыл зонт в машине. Он держал Мишу неловко, будто боялся сломать, смотрел на его сморщенное лицо и повторял, что тот похож на меня.

Я закрыла глаза.

— Давайте помогу.

Голос прозвучал совсем рядом.

Я подняла голову.

Максим стоял передо мной.

Не в куртке, как утром. В тёмном пальто поверх костюма, без галстука, с расстёгнутым воротником рубашки. Волосы

растрёпаны сильнее обычного, словно он несколько раз провёл по ним рукой. Дышал тяжело, будто поднимался по лестнице бегом.

— Ты быстро, — сказала я.

— Был недалеко.

— В офисе?

— Да.

Он протянул руку за бумагами, но я не отдала.

— Я сама.

— Вера, у тебя ручка выпадает.

Только тогда я заметила, что действительно держу её кончиками пальцев, почти не чувствуя. Максим осторожно забрал бланк, сел рядом и начал задавать короткие вопросы: адрес, серия полиса, номер свидетельства, контактный телефон. Я отвечала автоматически.

— Где Миша? — спросил он.

— Осматривают.

— Что сказали?

— Реакция сильная, но ему уже легче. Оставят под наблюдением. Возможно, до завтра.

Максим кивнул. Несколько секунд молчал, глядя на закрытую дверь смотровой. В его лице было то же выражение, которое я заметила утром во дворе. Слишком личная тревога. Не вежливое беспокойство друга семьи, не сочувствие к ребёнку партнёра.

Он выглядел так, будто за дверью находился кто-то, без

кого его собственная жизнь может остановиться.

— Олег едет? — спросил он.

— Да.

— Хорошо.

Сказал это без убеждения.

Медсестра открыла дверь и выглянула в коридор.

— Мама Михаила Лаврова?

Я не сразу поняла, что она сказала.

— Орлова, — поправила я. — Михаила Орлова.

Женщина взглянула в документы, смутилась.

— Простите. Орлова. Врач просит пройти.

Я встала. Максим поднялся вместе со мной.

— Вы отец? — спросила медсестра, глядя на него.

Он замер на долю секунды.

Всего на долю секунды. Другой человек, возможно, не заметил бы. Но после последних суток я замечала слишком многое.

— Друг семьи, — сказала я раньше него.

Максим перевёл взгляд на меня.

— Я подожду здесь.

В смотровой пахло лекарствами и чем-то резким, больничным, от чего сразу начинало першить в горле. Миша лежал на кровати под тонким одеялом. Пятна на лице стали бледнее, дыхание выровнялось. Возле него стоял врач лет сорока пяти, усталый, спокойный, с очками в тонкой металлической оправе.

— Уже лучше, — сказал он. — Реакцию удалось остановить. Но оставим вашего сына на несколько часов минимум, возможно, на ночь. Нужно понаблюдать, чтобы симптомы не вернулись.

Я подошла к кровати и взяла Мишу за руку.

— Можно воды? — спросил он.

— Немного можно, — ответил врач и протянул стакан.

Миша сделал несколько глотков и поморщился.

— Невкусная.

— Вода как вода, — сказала я.

— Больничная.

— У неё особый характер.

Он слабо улыбнулся.

Дверь открылась. Максим стоял на пороге.

— Извините, — сказал он. — Можно?

Я хотела попросить его подождать в коридоре, но Миша уже увидел.

— Дядь Макс?

— Привет, герой.

— Ты чего приехал?

— Твоя мама сказала, что ты решил прогулять геометрию самым сложным способом.

— У нас самостоятельная была.

— Уважаю масштаб операции.

Миша снова улыбнулся, уже чуть увереннее.

Максим подошёл ближе, но не коснулся его. Только оста-

новился у изножья кровати и несколько секунд смотрел внимательно, будто проверял каждую деталь: цвет кожи, дыхание, пятна на шее, припухлость век.

— Горло не давит? — спросил он.

Миша покачал головой.

— Глотать не больно?

— Уже нет.

— Голова не кружится?

— Немного.

Я посмотрела на Максима.

— Ты врач?

Он словно только сейчас вспомнил, что в комнате есть кто-то ещё.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что спрашивать?

— Обычные вопросы.

Врач поднял глаза от карты.

— У кого-нибудь в семье были похожие реакции?

— Нет, — ответила я. — У меня никогда.

— У отца?

Я задумалась.

Олег не любил врачей, редко болел и почти никогда не принимал лекарства, даже если температура поднималась выше тридцати восьми. За пятнадцать лет я не видела у него ни аллергии, ни сыпи, ни серьёзных реакций на еду.

— Насколько знаю, тоже нет.

— У меня были, — сказал Максим.

Фраза прозвучала слишком быстро.

Я медленно повернула голову.

Он стоял неподвижно. Только пальцы правой руки сжались на спинке стула.

— У вас? — уточнил врач.

— Да. В детстве. Первый раз лет в семь или восемь. После сиропа от кашля. Потом повторилось после сладкой газировки. Отёк губ, пятна на шее, тяжело дышать. Почти так же.

Врач посмотрел на него внимательнее.

— Вы близкий родственник?

Максим молчал.

Я почувствовала, как Мишины пальцы чуть сильнее сжали мою ладонь.

— Он друг семьи, — сказала я.

Врач кивнул, хотя в его взгляде промелькнуло лёгкое удивление.

— Понятно. Тогда это, вероятно, не связано. Но история полезная. На что именно была реакция, выясняли?

— На краситель, — ответил Максим. — Тартразин. Он встречается в некоторых сиропах, оболочках таблеток, напитках и сладостях. Мне потом делали обследование.

Я смотрела на него, не отводя глаз.

— Ты уверен?

— Да.

— Может быть, у ребёнка совсем другая причина, — за-

метил врач. — Пока рано делать выводы. Но проверить стоит. Тартразин действительно иногда встречается в продуктах яркого жёлтого или оранжевого цвета. Реакция на него редкая, но возможная. Мы возьмём анализы и дадим направление к аллергологу.

— Это наследственное? — спросила я.

Вопрос прозвучал слишком громко.

Врач задумался на секунду.

— Не в прямом смысле. Аллергия не передаётся как цвет глаз. Но склонность к определённым реакциям иногда встречается у родственников. Пока я бы не связывал вещи без оснований. Сначала нужно понять, что именно ел ваш сын и на что среагировал организм.

Я кивнула.

Разумные слова. Спокойные. Профессиональные.

Не связывать вещи без оснований.

Именно так следовало поступить.

Максим не был родственником Миши. Он был другом семьи. Давним партнёром Олега, человеком, который знал нашего сына с рождения, иногда приезжал на праздники и дарил слишком дорогие подарки. В большом городе тысячи людей страдают аллергией. У десятков может быть реакция на один и тот же краситель. Совпадения существуют. Иногда они выглядят неприятно, но всё равно остаются совпадениями.

Я повторила это себе несколько раз.

В комнату вошла медсестра с капельницей. Врач попросил нас выйти на несколько минут.

— Мам, ты вернёшься? — спросил Миша.

— Конечно.

— Прямо сейчас?

— Я буду за дверью.

Он посмотрел на Максима.

— А ты?

Максим замер.

— Я тоже буду здесь, если твоя мама не против.

Я хотела сказать, что не нужно. Что Олег скоро приедет. Что больничный коридор — не место для странных разговоров и недосказанностей. Но Миша выглядел слишком испуганным, хотя старался держаться.

— Пусть остаётся, — сказала я.

Мы вышли в коридор. Дверь закрылась.

Максим подошёл к окну и несколько секунд смотрел на улицу. Внизу медленно двигались машины, люди спешили по тротуару, кто-то держал над головой зонт, хотя дождь почти закончился.

— Ты знал? — спросила я.

Он не обернулся.

— Что именно?

— Что у него может быть такая аллергия.

— Нет.

— Но ты сразу спросил про пятна на шее.

— Потому что помню собственную реакцию.

— Ты слышал слово «аллергия» и сразу понял, какие у него симптомы.

— Вера.

— И приехал быстрее Олега.

Максим повернулся.

— Я был в десяти минутах отсюда.

— Ты всё время оказываешься где-то рядом.

— Сейчас это плохо?

— Я не знаю.

Ответ прозвучал честнее, чем хотелось.

Максим провёл ладонью по лицу. Усталость в его глазах стала заметнее.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Нет, — сказала я. — Я как раз не понимаю. Ты пришёл утром к нашему дому и спросил, где Миша. Попросил не подписывать документы. Сказал не оставлять его надолго с Олегом. Теперь приезжаешь в больницу раньше отца и перечисляешь врачу симптомы, которые были у тебя в детстве. Что я должна думать?

Он опустил взгляд.

— Пока ничего.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Ты назначил мне встречу, потому что хотел что-то рассказать. Расскажи сейчас.

Максим молчал.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается раздражение. За последние сутки слишком многие мужчины советовали мне успокоиться, подождать, не задавать вопросов и доверить решения людям, которые будто бы лучше понимают происходящее.

— Не говори мне, что сейчас не время, — сказала я. — Не говори, что всё слишком сложно и ты объяснишь потом. Мой сын лежит за этой дверью с капельницей. Мой муж собирается отнять его у меня. А ты ведёшь себя так, словно знаешь о нашей семье нечто, чего не знаю я. Говори.

Максим посмотрел на закрытую дверь палаты.

— Я расскажу.

— Когда?

— Сегодня.

— В семь?

— Если получится.

— Почему не сейчас?

Он не успел ответить.

В конце коридора появился Олег.

Я узнала его сразу, хотя он шёл быстро и почти не смотрел по сторонам. Пальто расстёгнуто, волосы растрёпаны, телефон в руке. На лице — тревога, которой я не видела вчера даже во время разговора о разводе. Настоящая, не отрепетированная.

На секунду мне стало легче.

Что бы ни происходило между нами, Олег любил сына. Возможно, неправильно. Возможно, считал любовь правом принимать решения за всех. Но сейчас он действительно боялся.

Потом муж увидел Максима.

Его шаг замедлился.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Максим не двинулся с места.

— Приехал узнать, как Миша.

— Откуда ты вообще узнал?

— От Веры.

Олег посмотрел на меня.

— Ты позвонила ему?

— Он сам позвонил.

— Очень вовремя.

— Олег, сейчас не до этого.

— Я вижу.

Он подошёл к двери смотровой, но медсестра попросила подождать. Капельницу ещё ставили, врач разговаривал с Мишей. Олег остановился рядом со мной, напряжённый, бледный, с резкой складкой между бровями.

— Что сказали?

— Реакцию остановили. Оставят под наблюдением. Вероятно, на ночь.

— На что аллергия?

— Пока неизвестно. Возможно, на краситель в лимонаде

или сладостях.

— Раньше такого не было.

— Врач сказал, что нужно обследование.

Олег кивнул. Потом перевёл взгляд на Максима.

— Спасибо, что приехал. Дальше мы справимся.

Формально фраза звучала вежливо. Но смысл был понятен.

Уходи.

Максим остался на месте.

— Врач спрашивал о семейном анамнезе, — сказала я.

Олег посмотрел на меня.

— И?

— У тебя когда-нибудь была сильная аллергия? В детстве или позже?

— Нет.

— На лекарства? Сиропы? Газировку?

— Нет, Вера. Ты прекрасно знаешь.

Я кивнула.

— У Максима была.

Олег медленно повернул голову.

Между мужчинами снова возникло то напряжение, которое я почувствовала утром во дворе. Только сейчас оно стало острее. Максим смотрел прямо на Олега, не отводя глаз. Олег — на него.

— Зачем ты это рассказал? — спросил муж.

Вопрос прозвучал странно.

Не «какое отношение это имеет к Мише». Не «почему ты вмешиваешься». Именно: зачем рассказал.

— Потому что врач спросил, — ответил Максим.

— Ты не родственник.

— Я знаю.

— Тогда твой диагноз никого не касается.

— Возможно.

Олег шагнул ближе.

— Хватит.

— Чего именно?

— Не здесь.

— Согласен. Не здесь.

Их разговор состоял из коротких фраз, но за каждой чувствовалось что-то ещё. Старая ссора. Угроза. Тайна, о существовании которой все знали, кроме меня.

Я посмотрела на Олега.

— Ты знал про его аллергию?

Он чуть заметно вздрогнул.

— Мы знакомы почти двадцать лет. Конечно, знал.

— И никогда не говорил?

— С какой стати я должен был рассказывать тебе о медицинских проблемах Максима?

Это тоже звучало разумно.

С какой стати мужу обсуждать со мной детскую аллергию своего делового партнёра? Люди не перечисляют за ужином диагнозы друзей. Не составляют семейные таблицы редких

реакций на лекарства. Не ищут сходства между ребёнком и человеком, который иногда появляется на праздниках.

Только Максим всё ещё смотрел на Олега так, словно ждал, когда тот скажет лишнее.

Дверь открылась.

Медсестра сообщила, что к Мише можно войти одному из родителей. Олег шагнул вперёд, но остановился и посмотрел на меня.

— Иди ты, — сказал он после паузы.

Я кивнула.

Миша лежал с закрытыми глазами. Капельница медленно отсчитывала прозрачные капли. Пятна на шее почти исчезли, только возле подбородка оставались розовые следы. Я села рядом и осторожно прикоснулась к его руке.

Он открыл глаза.

— Папа приехал?

— Да.

— А дядь Макс?

— Тоже здесь.

— Они ругаются?

Я не ответила сразу.

— Нет.

Миша посмотрел на меня устало и чуть недоверчиво.

— Ты опять врешь, чтобы я не переживал?

Вопрос ударил неожиданно.

— Я не вру.

— Они всегда странные, когда вместе.

— Какие?

— Не знаю. Как будто папа злится, а дядь Макс делает вид, что не замечает.

Я поправила край одеяла.

— Ты давно это замечаешь?

— Иногда.

— Когда?

Миша пожал плечами.

— На Новый год. И на папином дне рождения. Ещё когда дядь Макс забирал нас после тренировки.

Я вспомнила тот вечер. Олег задержался на встрече, машина была в ремонте, шёл сильный снег. Максим неожиданно приехал сам, отвёз нас домой и долго ждал возле подъезда, пока Миша не найдёт в рюкзаке ключи. Тогда сын рассказывал ему о секции, а Максим слушал с той редкой внимательностью, которую взрослые обычно изображают только первые две минуты.

— Мам, — тихо позвал Миша.

— Да?

— Я правда такой же, как дядь Макс?

У меня замерло дыхание.

— В каком смысле?

— Ну, аллергия. Врач сказал.

— Это ещё неизвестно. Может быть, ты съел что-то другое.

— Просто он спросил про горло раньше врача.

Я попыталась улыбнуться.

— Максим помнит, как сам болел в детстве. Вот и всё.

— Папа разозлился?

— Папа испугался за тебя.

— Нет. Не на меня.

Миша закрыл глаза. Несколько секунд молчал, потом добавил:

— На дядю Макса.

Я смотрела на лицо сына и не знала, что ответить.

Его веки ещё оставались припухшими. Волосы прилипли ко лбу. Правая рука лежала поверх одеяла, пальцы чуть согнуты. На большом пальце он машинально ковырял ногтем кожу возле кутикулы.

Я уже видела это движение сегодня.

Максим стоял в коридоре, сжимал руку на спинке стула и точно так же задевал ногтем край большого пальца. Почти незаметная привычка. Обычная нервная мелочь, которую можно встретить у сотен людей.

Совпадение.

Я заставила себя отвернуться.

Через несколько минут Миша уснул. Я вышла в коридор.

Олег сидел возле окна, наклонившись вперёд и сцепив ладони. Максим стоял напротив. Они больше не разговаривали. При моём появлении оба подняли головы.

— Уснул, — сказала я. — Ему лучше.

Олег встал.

— Я побуду с ним.

Я уступила дорогу.

Он уже взялся за ручку двери, когда Максим тихо сказал:

— Олег.

Муж остановился.

— Не сейчас.

— Именно сейчас. Ты должен сказать ей сам.

Олег обернулся.

В его лице появилось выражение, от которого я снова почувствовала холод. Вчера так он посмотрел на меня, когда понял, что я не соглашусь уйти добровольно. Сегодня этот взгляд предназначался Максиму.

— Ты не имеешь права, — произнёс Олег.

Максим усмехнулся без тени веселья.

— Пятнадцать лет ты говорил именно это. Удобная фраза.

— Заткнись.

— Что ты должен мне сказать? — спросила я.

Олег повернулся ко мне.

— Ничего. Максим решил воспользоваться ситуацией, чтобы свести старые счёты.

— Какие счёты?

— Деловые.

— С каких пор деловые разногласия касаются моего сына?

— Не касаются.

— Тогда почему Максим говорит, что ты должен мне что-то рассказать?

Олег несколько секунд смотрел на меня. Затем открыл дверь палаты.

— Потому что он хочет разрушить всё окончательно. Не позволяй ему.

— Ты сам вчера сказал, что всё уже разрушено.

Муж замер, но не ответил.

Вошёл к Мише и закрыл дверь.

Я осталась в коридоре с Максимом.

— Говори, — сказала я.

Он смотрел на дверь палаты.

— Не здесь.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Тогда хватит откладывать. Я никуда не уйду, пока Миша в больнице. Никакого кафе в семь не будет. Если ты знаешь что-то важное, говори сейчас.

Максим закрыл глаза на несколько секунд.

— Я должен проверить одну вещь.

— Какую?

— Вера, пожалуйста.

— Не проси меня ждать.

— Несколько часов.

— Зачем?

Он посмотрел на меня. Впервые за всё время в его ли-

це не осталось привычной сдержанности. Только усталость и странная боль, слишком глубокая для человека, приехавшего поддержать ребёнка старого друга.

— Потому что после этого разговора назад дороги уже не будет, — сказал Максим.

— Её и так нет.

Он едва заметно кивнул.

— Возможно.

— Что связывает тебя с Мишей?

Вопрос вырвался прежде, чем я успела его обдумать.

Максим замер.

Я услышала собственное дыхание. За дверью палаты кто-то прошёл, в конце коридора зазвонил телефон, медсестра повезла пустую каталку к лифту. Обычная больничная жизнь продолжалась вокруг нас, но в маленьком пространстве между двумя стульями и окном всё словно остановилось.

— Я не знаю, как ответить так, чтобы не сделать хуже, — сказал он наконец.

— Попробуй правду.

— Я собирался.

— Когда? Ещё через двенадцать лет?

Он побледнел.

Слова вырвались случайно. Просто потому, что Мише было двенадцать. Просто потому, что Максим постоянно просил дать ему время. Но его реакция оказалась слишком за-

метной.

Я отступила на шаг.

— Почему ты так на меня смотришь?

Максим отвернулся.

— Сегодня ничего не подписывай. И не оставайся одна.

— Ты уже говорил.

— Теперь это ещё важнее.

Он достал телефон, быстро набрал сообщение и убрал обратно в карман.

— Мне нужно уехать ненадолго.

— Куда?

— Я вернусь.

— Максим.

— Вера, я вернусь.

Он сделал несколько шагов, но я схватила его за рукав.

— Ты не можешь приехать сюда, напугать меня ещё сильнее и снова исчезнуть.

Максим остановился.

Моя рука всё ещё лежала на его рукаве. Под тканью пальто чувствовалось напряжение мышц. Он посмотрел сначала на мою ладонь, потом мне в лицо.

— Прости, — сказал тихо. — Я слишком долго молчал. Теперь любое слово прозвучит поздно.

— Скажи хотя бы одно.

Он молчал.

— Максим, у моего сына редкая аллергия, которая поче-

му-то была у тебя. Ты смотришь на него так, будто...

Я снова не договорила.

Будто что?

Будто любишь?

Будто боишься потерять?

Будто имеешь на него какое-то право?

Максим осторожно освободил рукав.

— Я напишу, — сказал он.

— Ненавижу, когда вы оба это говорите.

— Знаю.

Он ушёл по коридору и скрылся за поворотом.

Я вернулась к палате. Через стекло в двери было видно Олега. Муж сидел рядом с кроватью, наклонившись к сыну. Миша спал. Олег держал его за руку и большим пальцем медленно гладил костяшки.

На секунду передо мной был прежний Олег. Мужчина, который приехал в роддом с мокрыми волосами. Отец, не спавший три ночи, когда у Миши впервые поднялась высокая температура. Человек, собиравший железную дорогу до четырёх утра перед пятым днём рождения сына, потому что хотел увидеть его лицо утром.

Я не понимала, как соединить этого человека с тем, кто фотографировал мои таблетки и готовил сыну жизнь без матери.

Телефон завибрировал.

Я подумала, что написал Максим, но на экране появилось

сообщение от Наташи.

«Нашла адвоката. Очень хорошая женщина. Сегодня сможет поговорить по телефону. Ты где?»

Я начала отвечать и вдруг заметила на стуле возле двери пластиковую папку. Медсестра, вероятно, оставила её для меня. Внутри лежала анкета для родителей, направление к аллергологу и памятка.

Я взяла ручку и стала заполнять строки.

Фамилия. Имя. Дата рождения. Адрес. Перенесённые заболевания. Лекарственные препараты. Известные реакции.

Ниже шёл раздел о близких родственниках.

«Аллергические заболевания у матери».

Я поставила прочерк.

«Аллергические заболевания у отца».

Остановилась.

Олег никогда не страдал аллергией. Только что подтвердил это сам.

Я поставила прочерк и несколько секунд смотрела на бумагу.

Телефон завибрировал снова.

На этот раз написал Максим.

Всего одна фраза.

«Это не первое совпадение».

Я перечитала сообщение.

Потом подняла голову и посмотрела сквозь стекло на Мишу. Он лежал на боку, подложив ладонь под щеку. Возле

кровати сидел Олег, всё ещё держа сына за руку.

Я вспомнила Максима утром во дворе.

Его взгляд, прикованный к Мише. Его облегчение, когда он увидел, что мальчик здоров. Его слишком быстрые вопросы в телефонной трубке. Пятна на шее. Опухшие губы. Горло. Редкая реакция на один и тот же краситель.

Вспомнила, как медсестра посмотрела на Максима и спросила:

«Вы отец?»

Обычная ошибка. Мужчина приехал в больницу вместе с женщиной и волнуется за ребёнка. Ничего удивительного.

Я закрыла анкету.

Совпадение не являлось доказательством.

Одно сходство ничего не значило.

Редкая аллергия тоже могла оказаться случайностью.

Я повторяла это мысленно, пока пальцы сами открывали переписку с Максимом.

«Какие ещё совпадения?»

Ответ пришёл не сразу.

Я смотрела на три мигающие точки, появлявшиеся и исчезающие внизу экрана.

Наконец Максим написал:

«Посмотри старые фотографии».

Я подняла взгляд на спящего сына.

И впервые за двенадцать лет попыталась вспомнить, на кого он похож на самом деле.

Глава 5. Чужая фотография

К вечеру больничный коридор опустел.

Первые часы вокруг постоянно кто-то ходил: медсёстры с лотками, врачи с папками, родители с пакетами и сменной обувью, дети в пижамах, слишком серьёзные для своего возраста. Где-то плакал малыш, где-то женщина торопливо объясняла по телефону, что останется на ночь и завтра придётся отменить встречу. По полу скрипели колёса каталок, открывались двери, звучали фамилии. Потом постепенно стало тише. За окнами стемнело, больничные лампы превратили стены в однообразные светлые плоскости, и время словно остановилось.

Миша уснул после капельницы. Отёк почти спал, дыхание выровнялось, пятна на шее побледнели до едва заметных розовых следов. Врач сказал, что угрозы уже нет, но на ночь сына оставят под наблюдением. Если симптомы не вернутся, утром отпустят домой с направлением к аллергологу и длинным списком рекомендаций.

Я сидела возле кровати и смотрела, как Миша дышит.
Вдох. Пауза. Выдох.

Никогда раньше я не думала о том, насколько хрупким может оказаться это простое движение. Человек живёт рядом двенадцать лет, спорит из-за уроков, разбрасывает одежду, ест хлопья прямо из коробки и закатывает глаза, когда

мать просит надеть шапку. Кажется, будто его существование — самая прочная вещь в мире. Потом один стакан яркого лимонада превращает дыхание в усилие, и ты понимаешь: всё держится на тонкой, почти невидимой нити.

Олег сидел у окна.

Он приехал в больницу раньше, чем успел застегнуть пальто. Несколько первых минут действительно выглядел испуганным: говорил быстро, задавал врачу одни и те же вопросы, проверял, не холодные ли у Миши руки. Потом постепенно вернул себе обычную собранность. Позвонил кому-то в офис, отменил встречи, попросил секретаря перенести совещание. Уточнил, какие лекарства назначили сыну, сфотографировал памятку, нашёл номер хорошего аллерголога через знакомого.

Он снова стал тем Олегом, которого я знала много лет.

Надёжным. Практичным. Способным действовать, когда я теряюсь.

Наверное, именно поэтому мне было особенно трудно смотреть на него.

В кармане пальто лежал телефон. Я чувствовала его тяжесть, хотя сняла пальто и повесила на спинку стула. Сообщение Максима всё ещё оставалось непрочитанным только формально: я открывала его несколько раз, смотрела на короткую фразу и закрывала экран.

«Посмотри старые фотографии».

Больше он не написал ничего.

Не объяснил, какие именно фотографии. Не уточнил, что я должна увидеть. Не ответил на вопрос, какие ещё совпадения имеет в виду. Просто бросил фразу и уехал, оставив меня одну в коридоре рядом с мужчиной, который пятнадцать лет был моим мужем и вдруг превратился в незнакомца.

Я смотрела на лицо Миши и пыталась не думать.

Получалось плохо.

— Тебе нужно поспать, — сказал Олег.

Я подняла голову.

— Не хочу.

— У тебя глаза закрываются.

— Не закрываются.

— Вера, я останусь. Поезжай домой хотя бы на несколько часов. Возьми вещи, зарядку, зубную щётку. Утром вернёшься.

— Я никуда не поеду.

Олег устало выдохнул, но спорить сразу не стал. Последние несколько часов мы разговаривали почти исключительно о Мише. Где лежит полис. Есть ли у него хронические заболевания. Что он ел утром. Принимал ли какие-нибудь лекарства накануне. На несколько часов наш развод будто исчез, спрятался за дверью палаты и ждал, пока сыну станет лучше.

Теперь Олег снова заговорил тем самым ровным голосом, от которого у меня начинало сводить плечи.

— Ты провела здесь почти весь день. Сына отпустят не

раньше утра. Я взрослый человек и способен посидеть рядом с ним несколько часов.

— Я тоже способна.

— Никто не спорит.

— Тогда зачем отправляешь меня домой?

— Потому что тебе нужно отдохнуть.

Слова прозвучали почти невинно.

Я смотрела на мужа и слышала Мишин голос: «Папа сказал, что маме нужно отдохнуть». От дома. От ребёнка. От собственной жизни. Видимо, Олег действительно считал отдых универсальным объяснением моего будущего отсутствия.

— Перестань говорить мне, что мне нужно, — сказала я.

Он замолчал.

Миша чуть пошевелился во сне. Мы оба мгновенно повернули головы. Несколько секунд сын лежал неподвижно, потом снова расслабился.

— Не здесь, — тихо сказал Олег.

— Что именно не здесь?

— Не нужно устраивать очередное выяснение отношений в палате.

— Я не устраиваю.

— Ты опять начинаешь.

Я закрыла глаза.

Вчера любое моё слово можно было записать в таблицу. Сегодня любую эмоцию можно было назвать сценой у постели.

ли заболевшего ребёнка. Возможно, завтра Олег положит в папку новую запись: «Мать отказалась покинуть больницу, несмотря на рекомендации отца отдохнуть. Проявляла повышенную тревожность. Инициировала конфликт в присутствии несовершеннолетнего».

Мне захотелось спросить, не включил ли он диктофон.

Я не спросила.

— Хорошо, — сказала я. — Съезжу за вещами.

Олег кивнул слишком быстро, будто именно этого и добивался.

— Привези Мише чистую футболку и спортивные штаны. В шкафу сверху лежит его тёплая кофта. Здесь прохладно.

— Я знаю, где лежат его вещи.

— Конечно.

Даже это короткое слово прозвучало снисходительно.

Я поднялась, поправила одеяло на Мише и несколько секунд смотрела на его лицо. Хотелось разбудить, сказать, что скоро вернусь, услышать ответ. Но сыну нужен был сон. Я осторожно коснулась губами его лба и пошла к двери.

— Вера, — окликнул Олег.

Я обернулась.

— Куда уехал Максим?

Слишком долго он ждал, прежде чем спросить.

Весь день делал вид, будто присутствие друга семьи в больнице не имеет значения. Сидел рядом с сыном, разговаривал с врачом, отвечал на звонки. Только теперь, когда мы

остались почти одни, произнёс имя.

— Не знаю.

— Он что-нибудь сказал тебе перед уходом?

Я почувствовала телефон в кармане пальто.

«Посмотри старые фотографии».

— Нет.

Ложь далась неожиданно легко.

Олег смотрел на меня несколько секунд. Я не отвела глаз.

— Если он снова позвонит, — произнёс муж, — не спеши верить каждому слову.

— Ты уже предупреждал.

— Значит, слышала.

— Не уверена, что поняла.

— Там нечего понимать. Мы с Максимом давно спорим по работе. Он решил, что сейчас подходящий момент вмешаться в нашу жизнь.

— В нашу жизнь он почему-то вмешивается только после того, как ты начал готовить мне роль воскресной мамы.

— Он не помогает тебе, Вера.

— А кто помогает? Ты?

Олег сжал губы.

— Я не хочу спорить.

— Очень удобно.

— Вернись утром. И постарайся не накручивать себя по дороге.

Я усмехнулась.

Олег снова сказал это слово. Накручивать. Будто всё происходящее существовало только у меня в голове. Папка с фотографиями, заблокированные счета, психологическое заключение, страх Миши, редкая аллергия Максима — отдельные случайности, которые моя тревожная фантазия пыталась соединить в единое целое.

Я вышла из палаты и закрыла дверь чуть громче, чем следовало.

На улице начинался дождь.

Мелкий, холодный, мартовский. Он почти не оставлял капель на стекле, только превращал фонари в расплывчатые жёлтые пятна. Я села в машину, положила руки на руль и несколько минут не заводила двигатель.

Телефон завибрировал.

Наташа.

«Ты где? Я купила еду и еду к вам. Тебе что-нибудь нужно?»

Я ответила коротко:

«Миша в больнице. Уже лучше. Я еду домой за вещами».

Она позвонила почти сразу.

— Что случилось?

— Аллергия. Сильная. Но сейчас всё нормально.

— Господи. Я к тебе в больницу приеду.

— Не надо. Олег там.

— Тогда к вам домой. Ты одна не останешься.

— Наташ, я просто заберу вещи и вернусь.

— Вера, у тебя голос такой, будто ты сейчас въедешь в столб. Скажи адрес больницы. Я сама привезу всё, что нужно.

Я закрыла глаза.

Несколько часов назад предложение помощи заставило бы меня согласиться мгновенно. Сейчас первая мысль оказалась другой: Олег потом скажет, что я не смогла сама собрать сыну одежду. Что позвонила подруге, потому что не справлялась с простейшими задачами. Что слишком эмоционально реагировала на ситуацию, хотя опасность уже миновала.

Я понимала нелепость этих мыслей.

И всё равно думала именно так.

— Я справлюсь, — сказала я.

— Я знаю, что справишься. Но это не значит, что ты обязана всё делать одна.

Фраза прозвучала настолько просто, что у меня снова защипало глаза.

— Хорошо. Приезжай к нам. Только минут через сорок. Я ещё в дороге.

— Буду ждать у подъезда.

Я положила телефон на соседнее сиденье и выехала с парковки.

Дом встретил тишиной.

Обычно даже пустая квартира казалась живой. Где-то работала стиральная машина, холодильник щёлкал и гудел, из Мишиной комнаты доносились забытые включёнными ко-

лонки. В прихожей пахло обувным кремом, кофе и чем-то ещё неуловимо домашним. Сегодня всё выглядело иначе. Свет из окна ложился на пол серыми полосами, в зеркале отражалась женщина с усталым лицом и мокрыми волосами, а на кухонном столе оставалось чистое место, где вчера лежала синяя папка.

Олег забрал её.

Конечно, забрал.

Я прошла наверх, открыла шкаф в Мишиной комнате и начала складывать вещи в спортивную сумку. Футболка, штаны, носки, тёплая кофта, зарядка для телефона, зубная щётка. Потом вспомнила про его любимую толстовку с капюшоном и положила сверху. На столе лежала тетрадь по истории, за которой он утром возвращался. Рядом — ручка без колпачка, учебник геометрии и раскрытый блокнот, где Миша рисовал какие-то схемы.

Я провела ладонью по спинке стула.

Всё оставалось на своих местах.

Комната не знала, что её хозяина уже начали делить взрослые. Не знала, что один из них приготовил соглашение, в котором мать должна забирать сына по выходным. Не знала, что несколько часов назад мальчик лежал под капельницей, а два мужчины в коридоре обменивались фразами, смысла которых я не понимала.

Телефон снова оказался в моей руке.

Сообщение Максима.

«Посмотри старые фотографии».

Я перечитала ещё раз.

Какие старые фотографии?

У нас их было много. Несколько альбомов хранились в шкафу гостиной, часть лежала в коробках после ремонта. Свадьба. Поездки. Праздники. Первый год Мишиной жизни. Фотографии, которые мы печатали раньше, когда снимки ещё не превращались в бесконечную ленту на телефоне и не исчезали через неделю среди скриншотов, чеков и рабочих сообщений.

Я спустилась в гостиную.

Шкаф стоял возле стены, напротив дивана. Его мы покупали вместе с Олегом, когда переехали сюда. Тогда денег почти не оставалось, и несколько месяцев книги лежали в коробках. Я шутила, что настоящий признак взрослой жизни — не ипотека и не ребёнок, а наличие отдельной полки для старых документов, которые никто никогда не выбрасывает.

Теперь на этой полке лежали бумаги, способные решить, с кем будет жить мой сын.

Я открыла дверцы.

Внизу стояли коробки. После ремонта Олег убрал туда всё, что мешало рабочим: фотоальбомы, сувениры, папки с гарантийными талонами, старые открытки. Я вытащила первую и поставила на пол.

Сверху лежали новогодние гирлянды, запутанные так, будто за год успели прожить отдельную жизнь. Под ними —

пачка детских рисунков. Миша изображал нас втроём: папа высокий и почему-то с зелёными волосами, мама в огромном красном платье, сам Миша размером почти с дом. В углу нарисован кот, которого у нас никогда не было, но которого сын несколько лет подряд требовал завести.

Я села на ковёр.

Внутри стало больно от обыкновенности этих вещей.

Первые рисунки, поделки из детского сада, открытка с криво выведенным: «Мама, я тебя лублу». Коробка не содержала ничего важного для суда. Только нашу жизнь. Настоящую, беспорядочную, смешную, иногда утомительную. Жизнь, которую нельзя разложить по файлам и представить доказательством чьей-то непригодности.

Я отложила рисунки и достала альбом с синей обложкой.

На первой странице — фотография из роддома. Я лежала на кровати бледная, с растрёпанными волосами, совершенно измученная и почему-то счастливая. Олег сидел рядом, держа свёрток так осторожно, будто внутри находилось нечто хрупкое и бесконечно дорогое. Мишино лицо почти не видно, только маленький красный нос и край шапочки.

Я провела пальцами по прозрачной плёнке.

На следующей странице сын спал в кроватке. Потом лежал на животе и пытался поднять голову. Потом сидел у Олега на коленях, вцепившись обеими руками в его рубашку. Дальше — первый день рождения: свечка в торте, испачканные кремом щёки, мой смех, Олегова ладонь возле Миши-

ной спины.

Максим тоже встречался на фотографиях.

Не часто. Иногда на заднем плане, иногда рядом с Олегом. На первом дне рождения он стоял возле окна с бокалом в руке и смотрел куда-то в сторону. На фотографии с пятилетия сидел на корточках рядом с железной дорогой и объяснял Мише, как соединить рельсы. На Новый год несколько лет назад держал в руках коробку с конструктором, пока сын нетерпеливо пытался разорвать упаковку.

Ничего необычного.

Друг семьи.

Человек, который знал Олега почти двадцать лет и время от времени появлялся в нашей квартире.

Я закрыла альбом и достала второй.

Свадебные фотографии.

Белое платье, шампанское, лица людей, с которыми мы давно перестали общаться. Моя мама плачет, папа делает вид, что ему что-то попало в глаз. Олег улыбается непривычно широко. Мы оба молодые, счастливые и немного нелепые. Кажется невозможным, что эти люди когда-нибудь будут сидеть на кухне друг напротив друга и обсуждать, кому достанется ребёнок.

Максим стоял рядом с женихом почти на всех снимках.

Чуть выше Олега, худой, серьёзный, в тёмном костюме. Тогда ему было двадцать шесть. Волосы длиннее, чем сейчас, лицо моложе и резче. На одной фотографии он смотрел

на камеру, на другой — на Олега, на третьей — куда-то мимо нас. Я никогда не замечала в нём ничего особенного. Друг мужа, свидетель на свадьбе, человек с хорошими манерами и редкой способностью исчезать с праздника прежде, чем кто-то начинал петь караоке.

Я внимательно посмотрела на его лицо.

Ничего.

Взрослый мужчина. Совсем не похож на двенадцатилетнего мальчика.

Я почувствовала облегчение и одновременно раздражение. На себя, на Максима, на его загадочные сообщения. Возможно, он действительно пытался использовать наш развод в своей войне с Олегом. Бросал намёки, заставлял меня искать смысл там, где его нет. Несколько часов назад сын оказался в больнице, а я вместо отдыха сидела на полу и сравнивала семейные фотографии, словно безумная женщина из собственного психологического заключения.

Я почти убрала альбом обратно, но заметила в коробке старый бумажный конверт.

Он лежал под пачкой открыток, пожелтел по краям и был перетянут резинкой, давно потерявшей эластичность. На лицевой стороне рукой Олега написано: «Универ. Дача. Выпускной». Даты не было.

Я знала этот конверт. Видела несколько раз во время переездов, но никогда не рассматривала внимательно. Старые фотографии Олега до нашего знакомства. Студенческие ве-

черинки, поездки, люди, чьи имена мне ничего не говорили. Обычно такие снимки листаешь быстро: улыбаешься странным причёскам, спрашиваешь, кто эта девушка в красной майке, удивляешься, насколько худым был муж в двадцать лет.

Я сняла резинку.

Первые фотографии не представляли ничего особенного. Олег возле университетского корпуса. Компания молодых людей с пластиковыми стаканчиками. Кто-то жарит мясо на мангале. Девушки в джинсах с низкой посадкой, парни в нелепых широких футболках. Другой мир, исчезнувший не только из-за времени, но и из-за какой-то наивности, которой больше ни у кого не осталось.

Олег выглядел почти мальчишкой. Волосы падали на лоб, улыбка была открытой, чуть хулиганской. Я долго смотрела на его лицо и пыталась найти человека, сидевшего вчера на кухне с синей папкой.

Не нашла.

Потом перевернула следующую фотографию.

И перестала дышать.

На снимке был Максим.

Совсем молодой. Лет двадцать, не больше. Он сидел на деревянных ступеньках дачного дома, опираясь локтями на колени. На нём выцветшая тёмная футболка и джинсы, волосы растрёпаны ветром, в правой руке пластиковый стаканчик. Снимок сделан случайно: Максим явно не позировал,

только поднял глаза на человека с камерой и слегка нахмурился, будто солнце било прямо в лицо.

Я смотрела на фотографию и не могла отвести глаз.

Не потому, что молодой Максим был особенно красивым. Хотя, наверное, был. Не потому, что раньше никогда не видела его таким. Просто на старом глянцевом прямоугольнике сидел не совсем чужой человек.

Он наклонил голову так же, как Миша, когда слушал что-то подозрительное и пытался понять, не шутят ли над ним. Смотрел исподлобья, чуть приподняв левую бровь. На подбородке виднелась небольшая ямочка, которая у взрослого Максима почти исчезала под щетиной.

У Миши была такая же.

Я знала каждую черту лица собственного сына.

Знала, как возле его правого глаза появлялась тонкая складка, когда он пытался не рассмеяться. Как нижняя губа чуть выпячивалась, если обижался. Как он хмурился, когда не понимал задачу, и машинально тёр большим пальцем край ногтя, если нервничал.

Ещё вчера эти черты принадлежали только ему.

Сегодня я видела их на фотографии двадцатилетнего Максима.

— Нет, — сказала я вслух.

Голос прозвучал тихо и нелепо в пустой комнате.

Я положила снимок на ковёр.

Потом снова взяла.

Поднесла ближе к окну. Свет уже становился слабее, дождь затемнил стекло, и фотографию приходилось поворачивать, чтобы рассмотреть детали. Возможно, дело было в ракурсе. В выражении лица. В плохом освещении. Люди иногда похожи друг на друга совершенно случайно, особенно если ищешь сходство намеренно.

Я достала телефон и открыла галерею.

Мишины фотографии за последние недели. У школьной доски. В машине. На катке. Возле окна, когда он не хотел сниматься и смотрел на меня с привычным подростковым недовольством.

Я нашла снимок, сделанный месяц назад.

Миша сидел на диване, опираясь локтями на колени. Я сфотографировала его, потому что он впервые сам собрал модель самолёта и делал вид, будто совершенно не гордится результатом. Сын поднял голову на мой голос, чуть нахмурился и посмотрел исподлюбья.

Почти тот же ракурс.

Почти тот же взгляд.

Я положила телефон рядом с фотографией.

Сердце забилося чаще.

— Это ничего не значит, — сказала я.

Комната не ответила.

Я посмотрела на дверь. В прихожей было тихо. Наташа ещё не приехала. Я оставалась одна среди коробок, фотографий и вещей, которые внезапно перестали быть безопасны-

ми.

Телефон завибрировал.

Олег.

Я вздрогнула так сильно, будто он стоял за спиной.

— Да, — ответила я.

— Ты где?

Я посмотрела на часы.

— Дома.

— Почему так долго?

Прошло всего сорок минут.

— Собираю вещи.

— Там нечего собирать сорок минут.

— Мне нужно было найти зарядку.

— Она возле Мишиной кровати.

Я посмотрела вверх, в сторону лестницы.

Зарядка действительно лежала возле кровати. Я уже положила её в сумку. Олег знал расположение вещей в комнате сына не хуже меня. Он вообще многое знал. Возможно, гораздо больше, чем я когда-либо представляла.

— Я нашла, — сказала я.

— Возвращайся.

— Скоро буду.

— Вера.

— Что?

Пауза.

— Ты в порядке?

Раньше этот вопрос прозвучал бы заботливо. Я ответила бы честно, что устала, что боюсь за Мишу, что мне нужен час тишины. Сейчас слышала за ним другое: насколько ты контролируешь себя? Не совершаешь ли очередную эмоциональную ошибку? Можно ли оставить тебя одну в квартире среди документов и вещей?

— Да, — сказала я. — Всё нормально.

— Хорошо.

Олег отключился.

Я продолжала держать телефон возле уха ещё несколько секунд. Потом медленно опустила руку и снова посмотрела на фотографию.

Дверной звонок заставил меня резко подняться.

Снимок чуть не выпал из пальцев. Я спрятала его между страницами свадебного альбома и только потом пошла открывать.

За дверью стояла Наташа.

В одной руке пакет из супермаркета, в другой бумажный стаканчик с кофе. Волосы влажные от дождя, шарф намотан неровно, на лице выражение человека, готового немедленно решать любые проблемы, даже если его никто не просил.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала она вместо приветствия.

— Спасибо.

— Это комплимент. Значит, я приехала не зря.

Она вошла, поставила пакеты на тумбу и сразу обняла ме-

ня. Я не собиралась плакать. Действительно не собиралась. Но стоило почувствовать рядом человека, который не оценивал мою эмоциональную стабильность и не записывал реакцию в таблицу, как внутри что-то сломалось.

Я прижалась лбом к её плечу.

— Эй, — сказала Наташа тише. — Всё. Я здесь.

— Миша уже лучше.

— Знаю. Ты говорила.

— Его утром выпишут.

— Отлично.

— Олег с ним.

— Хорошо.

— Наверное.

Наташа чуть отстранилась и внимательно посмотрела на меня.

— Почему «наверное»?

Я провела ладонью по лицу.

— Потому что я уже не понимаю, что хорошо, а что нет.

Мы прошли в гостиную. Наташа увидела коробки на полу, открытые альбомы и фотографии, рассыпанные по ковру.

— Ты решила разобрать архив именно сегодня?

— Не совсем.

— Что ищешь?

Я не ответила сразу.

Подруга сняла пальто, положила его на спинку кресла и опустилась рядом с коробкой. Взяла первый попавшийся

снимок.

— Господи, это Олег? — спросила она. — Почему у него такая причёска?

— Тогда все так ходили.

— Нет. Некоторые люди всё-таки принимали правильные решения.

Она пыталась заставить меня улыбнуться. Обычно получилось бы. Сегодня я только села напротив и достала фотографию из альбома.

— Посмотри.

Наташа взяла снимок.

— Кто это?

— Максим.

— Лавров?

— Да.

— Ничего себе. Хорош.

— Наташ.

— Молчу.

Она посмотрела внимательнее.

Несколько секунд ничего не говорила. Потом перевела взгляд на меня.

— Что?

— Ты видишь?

— Что именно я должна увидеть?

Я протянула телефон с фотографией Миши.

Наташа положила два снимка рядом.

Её лицо изменилось почти незаметно. Улыбка исчезла, брови сошлись. Она поднесла старую фотографию ближе к лампе, затем снова посмотрела на экран.

— Похожи, — сказала она.

У меня внутри всё сжалось.

— Насколько?

— Вер.

— Насколько они похожи?

Наташа медленно положила фотографию на стол.

— Достаточно, чтобы заметить. Но это ничего не доказывает.

— Я знаю.

— Правда ничего. Люди иногда похожи. Особенно на фотографиях. Один ракурс, одинаковое выражение лица, свет. Ты сейчас на нервах и ищешь объяснение всему сразу.

— Он написал посмотреть старые фотографии.

— Максим?

Я кивнула.

— Зачем?

— Не сказал.

— А до этого?

Я рассказала.

Не всё сразу. Сначала про утро возле подъезда, потом про его странные вопросы, про больницу, аллергию, врача, тартразин. О том, как Максим перечислил симптомы раньше, чем я успела объяснить. О сообщении: «Это не первое сов-

падение». О реакции Олега, когда тот потребовал замолчать.

Наташа слушала без обычных комментариев. Только время от времени задавала короткие вопросы.

— Ты уверена, что Олег никогда не страдал аллергией?

— Уверена.

— Может быть, у его родителей?

— Не знаю. Но он сказал, что нет.

— Максим раньше говорил про свою?

— Никогда.

— Он часто видел Мишу?

— Иногда. На праздниках. Несколько раз приезжал просто так. Чаще разговаривал с Олегом.

— И что ты думаешь?

Я посмотрела на снимок.

— Не знаю.

— Знаешь.

— Нет.

— Вер.

Я встала и подошла к окну.

Дождь усилился. По стеклу текли тонкие дорожки, во дворе зажглись фонари. На детской площадке никого не осталось. Красная качеля слегка двигалась от ветра.

— Это невозможно, — сказала я.

— Почему?

— Потому что невозможно.

Наташа молчала.

— Я никогда не была с Максимом, — произнесла я.

Слова прозвучали странно. Будто приходилось оправдываться перед подругой за измену, которой не существовало.

— Никогда?

— Никогда. Даже близко. Мы не оставались вдвоём. Не встречались. Не переписывались. Я не знала его номер до тех пор, пока Олег не создал общий чат для своего дня рождения несколько лет назад. Я не представляю, где он жил, с кем встречался. Он был другом мужа.

— Я не обвиняю тебя.

— Я знаю.

— Тогда почему ты так говоришь, будто пытаешься убедить себя?

Я обернулась.

— Потому что фотография выглядит так, словно должна что-то объяснять. Но она ничего не объясняет.

Наташа снова взяла снимок.

— На кого Миша вообще похож?

Вопрос был обычным. Мне задавали его сотни раз.

Когда сын родился, родственники спорили почти неделю. Моя мама говорила, что нос наш, семейный. Свекровь утверждала, что глаза точно Олеговы. Папа рассматривал маленькое лицо с серьёзностью эксперта и заключил, что младенцы до полугода похожи исключительно на сердитых стариков, поэтому выводы делать рано.

Позже Миша менялся.

Иногда становился похож на меня. Особенно когда улыбался широко, щуря глаза. Иногда — на Олега. Я привыкла считать, что именно от мужа у него тёмные волосы, высокий лоб и привычка хмуриться. Даже если сходство не бросалось в глаза, оно казалось естественным. Ребёнок не обязан быть копией родителей. Он собирает черты разных людей, смешивает их, превращает в собственное лицо.

Я никогда не искала в нём Максима.

— Не знаю, — призналась я. — Раньше думала, что на нас обоих.

— А теперь?

Я посмотрела на фотографию.

— Теперь не знаю.

Наташа встала и подошла ко мне.

— Вер, остановись. Хотя бы до разговора с ним. Одна старая фотография и аллергия не означают ничего. Не строй выводы раньше времени.

— Он хочет, чтобы я их построила.

— Возможно.

— Зачем?

— Может, действительно пытается настроить тебя против Олега. Может, знает какую-то другую тайну. Может, Олег когда-то ему что-то рассказал. Я не знаю. Ты тоже не знаешь.

Она говорила разумно.

Наверное, именно это мне и требовалось услышать. Не подтверждение безумного подозрения, а простые слова: ты

не обязана немедленно понимать всё. Можно остановиться. Сделать вдох. Вернуться в больницу. Дождаться утра.

Я кивнула.

— Нужно собрать вещи.

— Уже собрала?

— Почти.

— Тогда я сделаю тебе чай, а ты проверь ещё раз. И поедем вместе.

— Не обязательно.

Наташа посмотрела так, что спорить расхотелось.

— Вместе, — повторила она.

Я поднялась наверх.

Сумка лежала на Мишиной кровати. Я добавила бутылку воды, влажные салфетки, наушники и книгу, которую он читал последние недели. Потом заметила на полке старый фотоальбом с зелёной обложкой.

Детские фотографии Миши.

Я сняла альбом и села на кровать.

Не нужно было открывать.

Наташа права. Совпадения ничего не доказывают. Я устала, испугалась, плохо спала. В таком состоянии люди видят смысл там, где существует только случайность. Именно это Олег говорил обо мне последние месяцы. Именно это написала психолог в заключении.

Я уже собиралась поставить альбом обратно, но пальцы сами подняли обложку.

Первый разворот — Мише несколько дней. Он лежит в кровати, завёрнутый в голубое одеяло. На следующем снимке спит у меня на руках. Дальше Олег купает его в маленькой пластиковой ванночке и смотрит в камеру с выражением человека, получившего задачу сложнее любого рабочего проекта.

Потом фотография, которую я почти забыла.

Максим держит Мишу.

Сыну месяца три. Мы тогда пригласили несколько друзей на ужин. Я почти весь вечер провела на кухне, потому что пыталась одновременно готовить, успокаивать ребёнка и делать вид, будто совершенно справляюсь с материнством. В какой-то момент Максим взял Мишу на руки, чтобы я могла наконец поесть.

На снимке он сидел в кресле возле окна. Ребёнок лежал у него на предплечье, удивительно спокойно, хотя обычно не любил чужих рук. Максим смотрел не в камеру. На Мишу.

Я помнила этот вечер смутно.

Помнила, что Олег шутил: у Максима неожиданно обнаружился талант укрощать младенцев. Помнила, как кто-то предложил ему срочно жениться. Помнила, что он почти сразу передал ребёнка обратно и вышел на балкон курить, хотя курил редко.

Тогда я не придавала этому значения.

Теперь смотрела на его лицо и чувствовала странный холод.

Не нежность. Не умиление взрослого мужчины перед маленьким ребёнком друзей. Взгляд был сложнее. Тяжелее. Будто Максим держал нечто, к чему не имел права прикасаться слишком долго.

— Вера! — позвала Наташа снизу. — Ты чай будешь?

— Сейчас.

Я закрыла альбом, но не поставила обратно. Положила в сумку.

Сама не знала зачем.

В гостиной пахло кофе и купленными Наташей пирожками. Она уже собрала фотографии с ковра и сложила в коробку. Старый снимок Максима лежал отдельно на столе.

— Возьмёшь с собой? — спросила она.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу, чтобы Олег увидел.

Подруга посмотрела внимательно.

— Тогда сфотографируй.

Я взяла телефон, сделала снимок и убрала старую фотографию обратно в конверт.

Затем перевернула её.

На обороте стояла дата.

Август две тысячи седьмого года.

И подпись рукой Олега:

«Макс после третьей пересдачи. Двадцать лет, а выражение лица уже как у сорокалетнего налогового инспектора».

Я перечитала несколько раз.

Фраза была совершенно обычной. Смешной даже. Доказательство старой дружбы, когда Олег фотографировал приятеля на даче и подписывал снимки от руки.

Только дата заставила меня задуматься.

В августе две тысячи седьмого я ещё не знала ни одного из них. Познакомилась с Олегом через два года, летом. Максим присутствовал где-то рядом уже тогда, но появлялся редко. Я видела его на дне рождения Олега, потом ещё несколько раз в общей компании. У него была девушка — кажется, высокая блондинка по имени Алина или Алёна. Я не помнила точно. На наших отношениях это никак не отражалось.

Мы с Олегом поженились через год.

Мишу ждали долго.

Первое время не торопились. Мне было двадцать пять, Олегу двадцать семь, мы снимали маленькую квартиру и постоянно откладывали взрослую жизнь на потом. Потом решили, что пора. Год ничего не происходило. Затем ещё один. Начались врачи, анализы, бесконечные разговоры о том, что не нужно нервничать, потому что стресс мешает забеременеть.

Я помнила белые коридоры клиники. Очереди. Женщин, старательно не смотревших друг на друга. Бумажные бахилы, которые вечно рвались. Запах антисептика. Врачей, говоривших спокойными голосами о вещах, превращавших любовь и надежду в набор показателей.

Помнила, как Олег держал меня за руку и повторял, что всё получится.

Помнила день, когда на тесте появились две полоски.

Я сидела на краю ванны и не верила. Потом сделала второй тест. Затем третий. Позвонила Олегу, но он не ответил. Через час приехал домой с шампанским, хотя пить мне уже было нельзя. Мы смеялись, плакали, потом долго сидели на полу в гостиной и строили планы.

Максим в тот период почти исчез из нашей жизни.

Я нахмурилась.

Раньше не задумывалась. У него был какой-то проект в другом городе. Кажется, открывали филиал или договаривались с поставщиками. Олег несколько раз говорил, что Максим снова в командировке. На праздники не приезжал. На день рождения Олега передал подарок через кого-то из коллег. Появился уже позже, когда беременность стала заметной.

Я попыталась восстановить даты.

Получалось плохо.

События тринадцатилетней давности сливались друг с другом. Приёмы врачей. Анализы. Работа. Переезд. Ремонт в съёмной квартире. Ссоры из-за денег. Надежда после каждого нового назначения и разочарование через месяц. Я не вела дневник. Не отмечала в календаре, когда именно видела Максима. Не думала, что когда-нибудь придётся доказывать себе невозможность событий, которых не было.

— Наташ, — позвала я.

Она вошла в комнату с чашкой.

— Что?

— Ты помнишь, когда я забеременела?

— Примерно. Мы тогда ещё работали вместе.

— А Максим где был?

Подруга нахмурилась.

— Лавров?

— Да.

— Откуда мне знать?

— Ты иногда приходила к нам. Мы встречались компаниями.

— Вер, я даже сейчас его вижу раз в два года. Тогда он для меня был просто красивым молчаливым другом Олега.

— Он почти не появлялся, да?

Наташа поставила чашку на стол.

— Наверное. Я не помню.

— Я тоже.

— И это нормально. Прошло двенадцать лет.

Я села на край кровати.

— В этом и проблема. Если бы существовало простое объяснение, я должна была бы его помнить.

— Какое объяснение?

Я посмотрела на неё.

— Любое.

— Ты всё ещё думаешь, что Миша может быть его сыном?

Слова прозвучали впервые.

До этого они существовали где-то рядом, расплывчатые и страшные. Я обходила их, не позволяла сформулировать. Теперь Наташа произнесла прямо, и воздух в комнате словно изменился.

Миша может быть сыном Максима.

— Нет, — сказала я.

Слишком быстро.

— Нет, — повторила уже тише. — Не может.

— Потому что ты никогда...

— Потому что я никогда. Ни разу. Ни при каких обстоятельствах.

— Я верю.

— У меня нет провалов в памяти, Наташ. Я не могла случайно забыть, что спала с другом мужа.

— Конечно.

— Мы даже не целовались. Он не прикасался ко мне. Я не думала о нём как о мужчине.

Последняя фраза прозвучала не совсем правдиво.

Максим всегда был привлекательным. Это невозможно было не заметить. Высокий, собранный, с внимательным взглядом и редкой улыбкой, которая неожиданно меняла всё лицо. Но привлекательность существует отдельно от желания. Можно понимать, что человек красив, и не представлять его рядом с собой. Не допускать мысль даже на секунду.

Для меня Максим принадлежал к той же категории, что

друзья брата или мужья подруг. Мужчина, которого рассматриваешь только в рамках уже заданной роли.

Друг Олега.

Теперь эта роль треснула.

— Значит, есть другое объяснение, — сказала Наташа.

— Какое?

— Не знаю. Может, Максим специально подбрасывает тебе намёки. Может, хочет, чтобы ты начала сомневаться. Может, Миша просто похож на него случайно.

— И аллергия случайно.

— Возможно.

— И то, как он смотрит на Мишу.

— Это уже твоя интерпретация.

— Олег тоже разозлился, когда Максим рассказал врачу.

— Олег сейчас злится на само его существование.

Я кивнула.

Разумные объяснения.

Их становилось всё меньше, но пока они существовали.

Мы спустились вниз. Наташа помогла собрать коробки обратно, хотя я не просила. Потом заставила съесть половину пирожка и выпить несколько глотков кофе. Я почти не чувствовала вкуса.

Перед выходом телефон снова завибрировал.

Максим.

«Можешь говорить?»

Я посмотрела на экран.

— Это он? — спросила Наташа.

— Да.

— Ответь.

Я набрала:

«Нет. Я еду в больницу».

Сообщение прочитали сразу.

«Олег рядом?»

«С Мишей».

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом:

«Я должен встретиться с тобой сегодня».

Я почувствовала раздражение.

«У меня сын в больнице».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Именно поэтому сегодня».

Я смотрела на экран и ощущала, как внутри снова поднимается тревога.

«Скажи сейчас».

Три точки появились, исчезли, снова появились.

«Не по телефону».

— Что пишет? — спросила Наташа.

— Хочет встретиться.

— Когда?

— Сегодня.

— Встреться.

— Миша в больнице.

— Я останусь рядом с ним. Или ты попросишь меня посидеть в коридоре. Час ничего не изменит.

— Я не хочу оставлять его.

— Понимаю. Но ты всё равно не сможешь нормально сидеть рядом, пока не узнаешь, что происходит.

Я убрала телефон в карман.

— Олег не должен знать.

Наташа помолчала.

— Тогда тем более нужно встретиться не дома и не в больнице.

Мы вышли на улицу.

До машины оставалось несколько шагов, когда я увидела человека возле подъезда.

Сначала решила, что Олег вернулся. Тёмное пальто, высокий силуэт, телефон в руке. Потом мужчина поднял голову. Максим.

Он стоял под козырьком, прячась от дождя. Волосы влажные, лицо уставшее, под глазами тени. Видимо, приехал недавно: машина стояла дальше у обочины, фары ещё горели.

Я остановилась.

Наташа тоже.

Максим посмотрел на спортивную сумку в моей руке, затем на подругу. В его глазах мелькнул вопрос.

— Это Наташа, — сказала я. — Моя подруга.

— Мы встречались, — ответил он.

— Один раз, — сухо заметила Наташа. — На юбилее Олега.

Максим кивнул.

Несколько секунд мы стояли под дождём, не понимая, что делать дальше. Разговор, которого он так настойчиво добивался, не мог начаться возле подъезда. Слишком много окон. Слишком высокая вероятность, что Олег позвонит в любую минуту. Слишком тяжёлая сумка в моей руке и слишком сильное желание вернуться к Мише.

— Ты зачем приехал? — спросила я.

— Хотел поговорить.

— Я еду в больницу.

— Знаю.

— Тогда не время.

Максим провёл ладонью по лицу.

— Я был в клинике.

— В какой?

Он посмотрел на Наташу.

— Она может остаться, — сказала я. — Я не собираюсь ничего от неё скрывать.

Максим кивнул.

— В той, где лечат Мишу?

— Нет. В другой.

— Говори нормально.

Он медленно выдохнул.

— Я пытался поднять старые документы. Пока не полу-

чилось. Архив нужно запрашивать официально.

— Какие документы?

— Вера.

— Не начинай снова.

— Я не могу объяснить всё возле подъезда.

— Тогда не приезжай к моему подъезду и не стой здесь с таким лицом.

Я почувствовала, что говорю громче, чем следует, но не смогла остановиться. Наташа коснулась моего локтя. Не удерживая, просто напоминая: я рядом.

Максим посмотрел на окна дома.

— У тебя есть время до возвращения в больницу?

— Нет.

— Пятнадцать минут.

— Максим, мой ребёнок...

— Наш разговор касается Миши.

Последнее слово прозвучало особенно тяжело.

Я замолчала.

Дождь стучал по козырьку. Возле подъезда проехала машина, обрызгав бордюр грязной водой. Где-то в соседнем дворе залаяла собака.

— Хорошо, — сказала я. — Пять минут. В машине.

Максим открыл заднюю дверь своего автомобиля. Наташа села рядом со мной, хотя он явно не ожидал. Сам устроился за рулём, но двигатель не включил.

Внутри пахло кофе и кожей. На переднем сиденье лежала

папка с бумагами. Не синяя, как у Олега. Простая картонная папка, перетянутая резинкой. Я посмотрела на неё и почувствовала, как сжимается желудок.

— Ты нашла фотографии? — спросил Максим.

— Да.

Он закрыл глаза на секунду.

— Какие?

— Старые. Твои. Когда тебе было двадцать.

Максим опустил голову.

— И?

— Не спрашивай так, будто не знаешь.

— Мне нужно услышать.

— Зачем?

Он молчал.

Я достала телефон и открыла снимок фотографии. Показала экран.

Максим посмотрел.

Его лицо почти не изменилось. Только пальцы на руле сжались сильнее.

— Ты похож на него, — сказала я. — Вернее, он похож на тебя.

Наташа сидела рядом неподвижно.

— Я знаю, — ответил Максим.

В салоне стало тихо.

Мне хотелось услышать другое. Что я ошиблась. Что ракурс случайный. Что сходство преувеличено. Что аллергия

ничего не значит. Что он просто решил предупредить меня о намерениях Олега и неудачно выбрал слова.

Максим не сказал ничего из этого.

— С каких пор ты знаешь? — спросила я.

— Давно.

— Насколько давно?

Он посмотрел в лобовое стекло.

— Вера, я должен рассказать всё по порядку.

— Нет. Сначала ответь на простой вопрос. Почему мой сын похож на тебя?

Максим провёл ладонью по подбородку.

— Я не знаю, как сказать это правильно.

— Попробуй неправильно.

— Не в машине возле вашего дома.

— Ты сам приехал сюда.

— Потому что не хотел откладывать ещё на день.

— Тогда говори.

Он посмотрел на меня.

В его глазах было то выражение, которое я впервые заметила утром возле арки, а потом в больнице. Боль, вина и странная осторожность человека, который держит в руках не просто тайну, а взрывчатку.

— Ты уверена, что хочешь услышать сейчас? — спросил он.

Я почти рассмеялась.

— После всех намёков ты действительно задаёшь этот во-

прос?

— Потому что назад дороги не будет.

— Она закончилась вчера вечером, когда Олег положил на стол папку и сообщил, что собирается забрать моего сына. Говори.

Максим перевёл взгляд на Наташу.

— Она остаётся, — повторила я.

— Хорошо.

Он выдохнул медленно, будто собирался нырнуть под воду.

— Олег не может быть биологическим отцом Миши.

Слова прозвучали негромко.

Без подготовки. Без красивых формулировок. Без попытки смягчить удар.

Я смотрела на Максима и не понимала, что именно услышала.

— Что?

— Олег не может иметь детей.

Телефон в моей руке погас.

За стеклом продолжал идти дождь. По тротуару прошла женщина с ярким зонтом. На противоположной стороне двора мальчик в жёлтой куртке прыгнул через лужу и едва не упал. Мир существовал совершенно нормально, хотя в тесном салоне автомобиля только что исчезла ещё одна часть моей жизни.

— Нет, — сказала я.

Максим не отвёл глаз.

— Мне жаль.

— Нет.

— Вера.

— Нет.

Слово повторялось само собой, потому что другого ответа не существовало.

Олег держал Мишу в роддоме. Олег вставал к нему по ночам. Олег учил кататься на велосипеде. Олег ходил на школьные собрания, спорил с тренером, собирал железную дорогу, возил сына к стоматологу и терпеливо объяснял дробь. Миша называл его папой. Всегда называл.

— Ты врёшь, — произнесла я.

Максим побледнел, но не возразил сразу.

— Я понимаю, почему ты так думаешь.

— Ты врёшь.

— Нет.

— Олег сдавал анализы. Мы лечились. Врач говорил...

Я замолчала.

Что именно говорил врач?

Прошло слишком много времени. Белый кабинет. Женщина в халате. Папка с результатами. Медицинские слова, половину которых я тогда не понимала. Олег сидит рядом, держит меня за руку и отвечает на вопросы. Какие именно анализы показывали мне? Чьи результаты я видела? Что объясняли мне лично, а что муж пересказывал дома своими сло-

вами?

Я не помнила.

— Почему ты решил сказать это сейчас? — спросила Наташа.

Её голос прозвучал спокойно, но жёстко.

Максим повернул голову.

— Потому что Олег хочет забрать Мишу.

— И до этого тебя всё устраивало?

Вопрос ударил точно.

Максим опустил взгляд.

— Нет.

— Но ты молчал двенадцать лет.

— Да.

— Почему?

Он не ответил.

— Максим, — сказала я.

Голос звучал чужим.

— Если Олег не может иметь детей, чей сын Миша?

Он закрыл глаза.

Несколько секунд в машине слышался только дождь.

Потом Максим посмотрел на меня и произнёс:

— Скорее всего, мой.

Я не почувствовала ничего.

Ни боли, ни ярости, ни страха. Внутри стало совершенно пусто, словно все эмоции разом исчезли, уступив место глухой тишине.

— Нет, — сказала я.

— Вера.

— Нет. Этого не может быть.

— Я знаю, как звучит.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

— Мы никогда не были вместе.

— Я знаю.

— Никогда.

— Знаю.

— Тогда как?

Максим молчал.

— Как? — повторила я.

Он посмотрел на картонную папку на соседнем сиденье.

— Это длинный разговор.

Я рассмеялась.

На этот раз по-настоящему. Коротко, резко, почти истерично. Наташа сжала мою руку, но я не перестала сразу. Потому что фраза оказалась настолько нелепой, что другого ответа не существовало.

Длинный разговор.

У моего сына внезапно появился другой возможный отец. Человек, которого я знала больше десяти лет. Друг мужа. Мужчина, с которым никогда не была близка. И единственное, что Максим мог сказать, — разговор будет длинным.

— У меня нет времени, — произнесла я, когда смех за-

кончился. — Миша в больнице.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь.

Я открыла дверь машины.

— Вера, подожди.

— Не трогай меня.

Он не двигался.

— Я не собирался говорить так.

— А как собирался? В кафе? За кофе? Сначала спросить, как прошёл мой день, потом объяснить, что двенадцать лет наблюдал за собственным сыном со стороны?

Максим побледнел.

— Я не знал точно.

— Но подозревал.

— Да.

— И молчал.

— Да.

— Потому что Олег попросил?

Он не ответил.

Ответ был понятен без слов.

Я вышла из машины под дождь. Забыла про спортивную сумку, вернулась за ней, дёрнула дверь слишком резко и едва не ударилась о край. Наташа выбралась следом.

— Вера, — сказал Максим.

Я повернулась.

Он сидел за рулём и смотрел на меня через открытую

дверь.

— Не подписывай ничего, — произнёс он. — Особенно теперь.

— Ты думаешь, после этого я поверю тебе?

— Нет. Но документы всё равно не подписывай.

— Уезжай.

— Я должен рассказать остальное.

— Не сегодня.

— Олег постарается убедить тебя, что я лгу.

— А ты не лжёшь?

Максим молчал.

— Вот именно, — сказала я. — Я больше не знаю.

Я захлопнула дверь.

Мы с Наташей пошли к моей машине. Дождь сразу промочил волосы, вода стекала за воротник, но я почти не чувствовала холода. В голове повторялись слова, которые не хотели складываться в смысл.

Олег не может иметь детей.

Скорее всего, мой.

Мы никогда не были вместе.

Значит, Максим врёт.

Или Олег лгал мне тринадцать лет.

Я села за руль, но не смогла вставить ключ в замок зажигания. Пальцы дрожали слишком сильно.

— Я поведу, — сказала Наташа.

— Нет.

— Вера.

— Я должна вернуться к Мише.

— Вернёшься. Но поведу я.

Она осторожно забрала ключи.

Я пересела на пассажирское сиденье и прижала спортивную сумку к коленям. Внутри лежали Мишины вещи, зарядка, книга и альбом с детскими фотографиями. Тот самый альбом, где Максим держал трёхмесячного ребёнка и смотрел на него так, будто уже тогда знал нечто, чего не знала мать.

Телефон снова завибрировал.

На экране появилось сообщение от Олега.

«Ты скоро? Миша проснулся и спрашивает, где ты».

Я смотрела на строчку и не понимала, что ответить.

Мой муж сидел рядом с ребёнком, которого любил двенадцать лет. Возможно, любил сильнее всех на свете. Ребёнком, которого собирался оставить себе после развода. Ребёнком, которого заранее готовил к жизни без матери.

Ребёнком, который, по словам Максима, никогда не мог быть его биологическим сыном.

Я написала:

«Еду».

Отправила и закрыла экран.

Наташа завела двигатель.

— Ты веришь ему? — спросила она тихо.

Я посмотрела в окно.

Максим всё ещё сидел в своей машине. Не пытался выйти, не звонил, не писал. Только держал руки на руле и смотрел прямо перед собой.

— Не знаю, — ответила я.

И это было страшнее всего.

Потому что фотография не являлась доказательством.

Редкая аллергия не являлась доказательством.

Даже слова Максима пока ничего не доказывали.

Но впервые за двенадцать лет я возвращалась к собственному сыну и не знала, кто его отец.

Глава 6. Не может быть его сыном

— Повтори.

Максим сидел напротив меня, положив ладони на стол, и смотрел так, словно надеялся, что я передумаю задавать вопросы. На его пальцах побелели костяшки. Рядом с нетронутой чашкой кофе лежал телефон, перевёрнутый экраном вниз. За окном медленно стекал по стеклу дождь, превращая город в размытое серое пятно.

В кафе почти никого не было.

Только девушка за стойкой протирала чашки, время от времени бросая на нас короткие взгляды, и пожилой мужчина у окна листал газету, шурша страницами так громко, будто намеренно пытался напомнить: мир не остановился. Люди по-прежнему заказывают кофе, читают новости, торопятся по мокрому тротуару. Где-то за стеной звенят ложки, работает кофемашина, играет тихая музыка.

Моя жизнь разрушалась в декорациях обычного буднего утра.

— Вера, — сказал Максим.

— Повтори то, что сказал вчера возле дома.

Он медленно выдохнул и отвёл взгляд.

Мы договорились встретиться в одиннадцать. Не в том кафе на Большой Ордынке, которое он называл сначала. После больницы мне не хотелось ехать далеко, поэтому Мак-

сим выбрал небольшое место в двух кварталах от нашего дома. Настолько близко, чтобы я могла вернуться к Мише за пять минут. Настолько далеко, чтобы Олег случайно не увидел нас из окна.

Сын остался дома с Наташей.

Утром его выписали. Врач ещё раз объяснил, что нужно внимательно следить за состоянием, исключить продукты с яркими красителями и как можно скорее записаться к аллергологу. Миша слушал серьёзно, кивал и старательно изображал человека, которого совершенно не испугал вчерашний приступ. Только в машине несколько раз спрашивал, точно ли реакция не вернётся внезапно и сможет ли он теперь ходить в школу.

Олег хотел остаться с ним дома.

Сказал, что отменит встречи и поработает из кабинета. Говорил уверенно и разумно: после больницы ребёнку нужен покой, а мне следует отдохнуть. Я почти согласилась. Потом вспомнила сообщение Максима: «Не оставляй Мишу одного с Олегом надолго».

Эта просьба всё ещё казалась мне нелепой.

Олег мог оказаться лжецом. Мог месяцами готовить развод, собирать фотографии и читать переписки. Мог пытаться отнять у меня сына. Но он не причинит Мише вреда. В этом я не сомневалась. Именно в этом хотела не сомневаться, потому что иначе рушилось слишком многое.

И всё-таки я позвонила Наташе.

Она приехала через двадцать минут с пакетами еды, настольной игрой и таким выражением лица, будто готовилась защищать наш дом от вооружённого нападения. Олег недовольно посмотрел на неё, но ничего не сказал. Через несколько минут ему действительно позвонили из офиса. Разговор был коротким и раздражённым. Муж поднялся в кабинет, потом спустился уже в пальто и сообщил, что должен ненадолго уехать.

Перед выходом задержался в прихожей.

— Ты останешься дома? — спросил он.

Вопрос прозвучал небрежно, но я услышала скрытое ожидание.

— Да.

Я солгала второй раз за пятнадцать лет брака.

Вернее, второй раз осознанно. Наверняка раньше существовали мелкие бытовые неправды: сказала, что не покупала новое платье, хотя пакет лежал в багажнике; заверила, что не доела ночью оставшийся кусок торта; соврала, будто не расстроилась из-за забытой годовщины. Только теперь лож ощущалась иначе. Как предмет в кармане, острый и тяжёлый. Как вещь, которую приходится постоянно удерживать рукой, чтобы она случайно не выпала на пол.

Олег посмотрел на меня чуть дольше, чем требовалось.

— Хорошо. Я вернусь через пару часов.

— Хорошо.

Он коснулся губами Мишиных волос, кивнул Наташе и

ушёл.

Я подождала, пока машина выедет со двора. Потом сказала сыну, что нужно зайти в аптеку и забрать назначенные лекарства. Это тоже было почти правдой: в кармане лежал рецепт, а аптеку действительно можно было найти по дороге. Миша даже не поднял головы от телефона. Наташа посмотрела на меня внимательно, но ничего не спросила при нём. Только вышла следом в прихожую, когда я стала застёгивать пальто.

— Ты точно хочешь идти одна? — спросила она тихо.

— Да.

— Позвони, если что-нибудь понадобится.

— Я недалеко.

— Вера, я не о расстоянии.

Я поняла.

Кивнула и вышла.

Теперь сидела напротив Максима и чувствовала, что между мной и домом пролегло не два квартала, а какая-то непроходимая граница. Ещё вчера я могла вернуться в квартиру и сделать вид, будто не услышала невозможное признание. Обнять Мишу, приготовить суп, ответить на рабочие письма. Убедить себя, что фотография — случайность, аллергия — совпадение, а Максим оказался человеком, который решил использовать чужой развод для сведения старых счётов.

Сегодня мне требовалось услышать всё ещё раз.

Не в машине под дождём. Не среди торопливых фраз. Не

в момент, когда сын ждал меня в больнице.

Я хотела заставить Максима произнести это медленно и отчётливо, глядя мне в глаза. Чтобы потом решить, способен ли человек лгать так спокойно.

— Повтори, — сказала я в третий раз.

Максим сжал пальцы.

— Олег не может быть биологическим отцом Миши.

Руки похолодели мгновенно.

Я ожидала услышать эту фразу. Сама потребовала. Знала каждое слово заранее. И всё равно внутри словно что-то оборвалось. Не громко, не больно. Просто исчезла опора, которую я считала частью мира настолько очевидной, что никогда не проверяла её существование.

— Что значит «не может»? — спросила я.

— То и значит.

— У любого диагноза бывают степени. Вероятности. Ошибки. Врачи иногда ошибаются.

— В его случае речь шла не о небольшой вероятности.

— Откуда ты знаешь?

Максим посмотрел на окно. За стеклом проехал автобус, разбрызгивая грязную воду. Несколько секунд он молчал так долго, что я слышала, как девушка за стойкой ставит чашку на блюдце.

— Потому что он сам рассказал мне, — ответил он наконец. — Ещё до рождения Миши.

— Когда?

— Давно.

— Я понимаю, что не на прошлой неделе. Назови год.

— Две тысячи двенадцатый.

Я машинально пересчитала.

Миша родился осенью две тысячи тринадцатого.

В две тысячи двенадцатом мы с Олегом уже пытались завести ребёнка. Первый год ещё не волновались. Потом начали считать дни, читать статьи, покупать тесты. Дальше появились врачи. Анализы. Таблетки. Кабинеты, в которых мне задавали вопросы о цикле и перенесённых заболеваниях так буднично, словно речь шла о погоде.

Олег тогда держался рядом.

Возил меня в клинику. Иногда ждал в машине, иногда поднимался вместе со мной. Говорил, что не нужно превращать желание завести ребёнка в навязчивую идею. Убеждал не винить себя, хотя я всё равно винила.

Я помнила вечер, когда впервые расплакалась на кухне после очередного отрицательного теста.

Олег молча сел рядом, обнял меня и сказал:

«Мы справимся. Даже если понадобится помощь врачей».

Я поверила ему.

— Какой диагноз? — спросила я.

Максим провёл большим пальцем по краю чашки.

— Не заставляй меня произносить медицинские термины. Я не врач.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём говоришь.

— Да.

— Тогда объясни.

— Он сказал, что вероятность естественного зачатия практически отсутствует.

— Практически отсутствует — не то же самое, что невозможно.

— Вера.

— Не смотри на меня так. Я задаю нормальные вопросы. Ты сидишь напротив меня и утверждаешь, что мой муж не может быть отцом нашего сына. Мне нужны не намёки.

Максим кивнул.

— Хорошо. Насколько я понял из разговора и документов, которые видел тогда, собственных жизнеспособных клеток у Олега не было.

Слова прозвучали почти нейтрально.

Как строчка из справки. Как факт, который можно записать в медицинской карте и положить в прозрачный файл. Только они меняли смысл тринадцати лет моей жизни.

Я смотрела на Максима и пыталась дышать ровно.

— Ты видел документы?

— Да.

— Какие?

— Результаты обследования. Не все. Несколько листов. Олег показал сам.

— Почему?

Максим замолчал.

Именно этот вопрос оказался главным. Не диагноз. Не даты. Не степень вероятности. Почему муж принёс свои медицинские документы другому мужчине, но не жене, с которой пытался завести ребёнка?

— Почему он рассказал тебе, а не мне? — повторила я.

— Потому что ему была нужна помощь.

— Какая?

Максим опустил взгляд.

Внутри появилось знакомое раздражение. То самое, которое накапливалось с первого утра возле подъезда. Он постоянно останавливался за секунду до ответа. Говорил достаточно, чтобы испугать, но не достаточно, чтобы понять. Заставлял вытаскивать каждое слово, словно сам не имел отношения к происходящему.

— Максим.

— Я пытаюсь подобрать правильные слова.

— Их не существует.

— Знаю.

— Тогда используй любые.

Он молчал.

Я положила ладони на стол, чтобы он увидел, как они дрожат.

— Мой сын вчера лежал под капельницей. Мой муж собирается через суд доказать, что я не способна быть матерью. У меня в телефоне фотография человека, который выглядит как взрослая версия Миши. Этот человек сидит передо мной

и говорит, что Олег никогда не мог иметь детей. Не тратить время на правильные формулировки.

Максим поднял глаза.

— Много лет назад Олег попросил меня сделать кое-что для него.

— Что?

Он посмотрел в сторону стойки. Девушка отвернулась, занятая кофемашиной. Пожилой мужчина у окна уже ушёл, оставив газету сложенной пополам. В кафе остались только мы.

— Он пришёл ко мне поздно вечером, — начал Максим. — Я тогда жил в другой квартире. Недалеко от офиса. Мы выпили, хотя обычно Олег почти не пил в будни. Он долго говорил о тебе. О том, что вы хотите ребёнка. Что ты винишь себя. Что врачи пока не дают ясных ответов.

Я слушала и не понимала, куда ведёт рассказ.

— Потом он показал документы, — продолжил Максим. — Сказал, что проблема у него. Не у тебя. Что он не может признаться, потому что боится тебя потерять.

— Потерять?

— Он был уверен, что ты уйдёшь.

Я почувствовала почти физическое отвращение.

— Почему?

— Не знаю.

— Он прожил со мной несколько лет и решил, что я брошу его из-за диагноза?

— Я говорил то же самое.

— И что он ответил?

— Что я не понимаю. Что тебе нужен ребёнок. Что ты слишком долго ждала. Что он не имеет права отнимать у тебя материнство только потому, что с ним что-то не так.

В словах даже слышалась логика.

Именно это было страшнее всего.

Олег не изображал себя чудовищем. Наверное, в собственных глазах оставался человеком, который хочет подарить жене счастье. Решить проблему. Устранить препятствие. Сделать всё необходимое, чтобы сохранить семью.

Только почему-то не считал нужным спросить меня.

— Дальше, — сказала я.

Максим откинулся на спинку стула. На лице появилось выражение человека, которому трудно продолжать, но отступить уже поздно.

— Он попросил меня помочь.

— Ты говорил.

— Я согласился.

Я смотрела на него.

— На что?

Он провёл ладонью по лицу.

— Вера.

— На что ты согласился?

— Сделать то, о чём он просил.

— Это не ответ.

— Я знаю.

В голове возникла мысль настолько мерзкая и невозможная, что я сначала попыталась отбросить её. Но она вернулась. Слова Максима складывались в единственное объяснение, которое я могла придумать.

Олег не может иметь детей.

Он попросил друга помочь.

Максим согласился.

Миша может быть его сыном.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Ты хочешь сказать, что мы были вместе?

Максим замер.

— Что?

— Я спрашиваю: ты хочешь сказать, что спал со мной?

Он побледнел.

— Нет.

— Тогда почему говоришь загадками?

— Потому что не знаю, как объяснить это так, чтобы не прозвучало ещё хуже.

— Хуже уже не получится.

— Вера, я никогда к тебе не прикасался.

Он произнёс это быстро и жёстко, почти с болью.

Я смотрела в его лицо, пытаюсь понять, верю ли.

— Никогда? — спросила я.

— Никогда.

— Я тоже так помню.

— Потому что так и было.

— Тогда каким образом Миша может быть твоим сыном?
Максим закрыл глаза на секунду.

— Речь не о постели.

— А о чём?

— О клинике.

Слово упало между нами тяжёлым предметом.

Я не сразу поняла.

Вернее, не захотела понять.

Перед глазами возник белый коридор, бумажные бахилы, стойка администратора. Женщина в халате, которая просила подписывать бумаги. Олег рядом. Его ладонь на моём плече. Его спокойный голос: «Не волнуйся, это обычная процедура».

— Какой клинике? — спросила я.

Максим посмотрел прямо на меня.

— Той, где вы проходили лечение.

— Ты откуда знаешь, где мы лечились?

— Олег сказал.

— Что именно ты сделал?

Он молчал.

— Ответь.

— Передал то, что он попросил.

Мне потребовалось несколько секунд.

Потом смысл дошёл.

Я отдёргнула руки со стола, будто между нами внезапно

появилось что-то грязное. Чашка качнулась, кофе выплеснулся на блюде и оставил тёмное пятно.

— Нет.

— Вера.

— Нет.

— Послушай.

— Ты сдал свой биоматериал?

Максим не ответил.

Его молчание оказалось подтверждением.

Я встала так резко, что стул скрипнул по полу. Девушка за стойкой подняла голову. Я хотела уйти, но ноги не слушались. Пришлось опереться ладонью о край стола.

— Ты согласился стать донором?

— Я согласился помочь Олегу.

— Не называй это помощью.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты не имеешь права использовать это слово.

— Сейчас понимаю.

— А тогда?

Максим тоже поднялся, но не подошёл ближе. Остался по другую сторону стола, словно чувствовал, что любое движение будет воспринято как угроза.

— Тогда он сказал, что ты знаешь.

Фраза заставила меня остановиться.

— Что?

— Он сказал, что вы обсуждали варианты. Что врач предложил донорский материал. Что ты согласна, но не хочешь знать имя человека. Что так будет проще для всех.

Я смотрела на него и не могла поверить.

— Я никогда не соглашалась.

— Теперь знаю.

— Никто не говорил мне о доноре.

— Теперь знаю.

— Мне сказали, что после лечения показатели Олега улучшились.

Максим сжал губы.

— Он говорил другое.

— Что именно?

— Что вы всё обсудили. Что ты не хочешь подробностей.

Что решение принято вместе.

— И ты поверил?

— Да.

Ответ прозвучал глухо.

— Просто поверил?

— Я знал его много лет.

— А меня?

— Тоже знал.

— Нет. Ты видел меня на праздниках. Сидел за нашим столом. Приносил подарки. Иногда спрашивал, как дела. Это не значит, что ты знал меня.

— Согласен.

— Тогда почему не спросил?

Максим молчал.

— Почему ты не подошёл ко мне и не сказал: «Вера, ты уверена, что понимаешь, на что соглашаешься?» Почему решил, что достаточно слов Олега?

— Потому что это казалось невозможным. Обсуждать такое напрямую с женой друга. Я думал, что нарушу границу, которую вы сами установили.

— Удобная граница.

— Да.

— Для кого?

— Для меня.

Честность ответа ударила сильнее оправданий.

Максим не пытался спрятаться за благородными мотивами. Не говорил, что боялся разрушить нашу семью или хотел уберечь меня от лишних переживаний. Просто признал: ему было удобнее не спрашивать. Удобнее поверить Олегу. Удобнее сделать требуемое и закрыть тему.

— Я ненавижу себя за это, — сказал он.

— Твоё чувство вины мне не поможет.

— Знаю.

— Не повторяй всё время, что знаешь. Ты ничего не знаешь.

— Согласен.

Я отошла к окну.

На улице дождь почти закончился. Люди проходили ми-

мо, подняв воротники. Молодая женщина толкала перед собой коляску, накрытую прозрачным дождевиком. Рядом шагал мальчик лет пяти и что-то оживлённо рассказывал, размахивая руками. Мать время от времени наклоняла голову, слушая.

Когда-то я тоже ходила так с Мишей.

Коляска постоянно застревала в снегу. Сын не любил ва-режки и выбрасывал их на дорогу, стоило отвернуться. Я привязывала их резинкой к рукавам комбинезона, а Олег смеялся и говорил, что ребёнок просто защищает право человека самостоятельно распоряжаться гардеробом.

Олег.

Все воспоминания неизбежно возвращались к нему.

Он был рядом с самого начала.

На приёмах врачей. В больнице. В роддоме. Возле кровати. За праздничным столом. На школьных линейках. У стоматолога. В спортивном центре.

Нельзя вычеркнуть двенадцать лет одним диагнозом.

Нельзя превратить отца в чужого человека одним разговором в пустом кафе.

И всё-таки внутри уже росло нечто холодное и тяжёлое. Не сомнение даже. Понимание, которое я ещё не могла принять.

— Когда это произошло? — спросила я, не оборачиваясь.

— Что именно?

— Когда ты передал материал.

— В конце две тысячи двенадцатого года.

Я закрыла глаза.

В конце две тысячи двенадцатого мы действительно проходили очередной этап лечения. Я помнила зиму. Ранний снег. Свет в окнах клиники, когда мы выходили поздно вечером. Олег купил мне горячий шоколад в маленьком кафе напротив, потому что я мёрзла и нервничала. Он говорил, что всё получится, нужно только немного довериться врачам.

Довериться.

Слово стало почти издевательством.

— Я подписывала документы, — сказала я.

— Какие?

— Не помню. Согласия. Анкеты. Бумаги перед процедурами. Их было много.

— Ты читала?

Я резко повернулась.

— Ты сейчас спрашиваешь, сама ли я виновата?

— Нет.

— Именно это ты спросил.

— Я пытаюсь понять, мог ли Олег подменить бумаги или дать тебе другой вариант.

— Я читала всё, что мне давали. Наверное. Не знаю.

Последние слова прозвучали тише.

Не знаю.

Мне хотелось быть уверенной. Сказать, что внимательно изучала каждый лист, проверяла каждую строчку, задавала

врачам вопросы. Но память подводила. В клинике я постоянно боялась услышать очередной плохой результат. Иногда подписывала бумаги в коридоре, пока Олег разговаривал с администратором. Иногда врач объясняла быстро, привычно, как человек, повторявший один и тот же текст десятки раз за день.

Могла ли я не заметить?

Мог ли муж подсунуть другой документ?

Мог ли кто-то в клинике сознательно участвовать в обмане?

— Кто был врачом? — спросил Максим.

— Лариса Павловна. Фамилию не помню. Что-то на «К».

— Клиника ещё работает?

— Не знаю.

— Я ездил туда вчера.

Я посмотрела на него.

— Ты говорил.

— Она сменила название и владельцев. Старые архивы частично вывезли. По телефону ничего не говорят. Нужен официальный запрос.

— Кто его может сделать?

— Ты. Олег. Адвокат. Возможно, суд, если дойдёт до разбирательства.

— Если?

Максим опустил взгляд.

— Когда дойдёт.

Я вернулась к столу и села. Ноги всё ещё плохо держали. В чашке кофе остался тёмный холодный осадок. Я не помнила, сделала ли хотя бы один глоток.

— Почему ты не уверен? — спросила я.

— В чём?

— Вчера сказал: «Скорее всего, мой». Сейчас говоришь о клинике. Если ты передал материал, а потом я забеременела, почему не утверждаешь прямо?

Максим несколько секунд смотрел на телефон.

— Потому что Олег позже сказал, что не воспользовался им.

— Что?

— Через несколько недель сообщил, что вы выбрали другой путь. Что врач предложил новый протокол лечения. Что моя помощь больше не нужна.

— И ты поверил?

— Хотел поверить.

— Почему?

Он усмехнулся без веселья.

— Потому что после того, как согласился, понял, насколько всё неправильно. Не в медицинском смысле. В человеческом. Даже если ты действительно знала. Даже если соглашалась. Я не должен был становиться частью вашей семьи таким образом.

— Но стал.

— Возможно.

— Максим.

— Я не знаю точно, использовали ли материал. Не видел документов. Не присутствовал при процедурах. Олег сказал, что нет. Потом вы объявили о беременности.

— И ты ничего не спросил?

— Спросил.

— Что он ответил?

— Что лечение помогло. Что ты забеременела после очередного курса. Естественным образом.

— Хотя сам не мог иметь детей?

— Он говорил, что врачи ошибались. Что показатели изменились.

Я почувствовала, как поднимается тошнота.

Олег говорил мне почти то же самое.

Не в подробностях. Он вообще старался обсуждать медицинские вопросы как можно меньше. Повторял, что не нужно читать форумы и превращать жизнь в бесконечную проверку анализов. Убеждал довериться специалистам. Однажды пришёл домой особенно радостный и сказал, что результаты стали лучше. Не идеальные, но лучше. Что надежда есть.

Через несколько месяцев я увидела две полоски.

Я не задавала лишних вопросов.

Счастье не требует доказательств, когда ждёшь его слишком долго.

— Когда ты впервые заподозрил? — спросила я.

Максим долго молчал.

— Когда увидел Мишу в роддоме.

— Ты приезжал в роддом?

— Нет. Я увидел фотографию. Олег прислал в общий чат.

Я помнила эту фотографию. Миша в голубой шапочке, завёрнутый в одеяло. Лица почти не видно. Как можно было увидеть сходство в новорождённом ребёнке, похожем на всех младенцев сразу?

— Он был совсем маленьким.

— Знаю.

— На кого он мог быть похож?

— Ни на кого. Наверное, я просто искал.

— А потом?

— Потом старался не искать.

Максим смотрел на стол.

— Первые годы это было несложно. Дети меняются. Иногда Миша казался похожим на тебя. Иногда я убеждал себя, что вижу то, что хочу или боюсь увидеть. Потом он стал старше.

— И ты продолжал приходить к нам домой.

— Да.

— Сидел за одним столом с Олегом.

— Да.

— Разговаривал с Мишей.

— Да.

— Дарил ему подарки.

— Да.

Каждый короткий ответ раздражал сильнее длинного объяснения.

— Почему?

Максим поднял глаза.

— Не знаю.

— Врёшь.

— Хорошо. Потому что не мог совсем исчезнуть.

— Но и сказать правду не мог.

— Не имел права.

— Кто решил?

— Олег.

— А ты снова послушался.

— Да.

В этом «да» было столько усталости, что на секунду я увидела не уверенного мужчину, привыкшего держать любую ситуацию под контролем, а человека, который много лет жил внутри однажды совершённой ошибки и каждый раз выбирал ничего не менять.

Мне не стало его жаль.

Пока не могло стать.

— Ты хотел быть его отцом? — спросила я.

Максим вздрогнул.

— Не задавай этот вопрос.

— Почему?

— Потому что на него нет правильного ответа.

— Ответ всё равно существует.

Он долго смотрел на меня.

— Я не позволял себе хотеть.

— Очень благородно.

— Нет. Трусливо.

Я отвела взгляд.

На столе лежал телефон. Экран загорелся от нового сообщения.

Олег.

«Ты где?»

Я почувствовала, как напряглись плечи.

Максим заметил.

— Он?

Я кивнула.

— Что напишешь?

— Не знаю.

Сообщение появилось следом.

«Лекарства можно было купить за десять минут».

Муж считал время.

Возможно, просто беспокоился. Миша недавно вернулся из больницы, а я сказала, что зайду в аптеку. Любой нормальный человек спросил бы, почему жена задерживается.

Только после синей папки обычных вопросов больше не существовало.

Я набрала:

«Очередь. Скоро буду».

Посмотрела на текст и отправила.

Максим сжал губы.

— Он следит за тобой?

— Не знаю.

— Проверь геолокацию.

— Где?

Он протянул руку.

Я не отдала телефон сразу.

Жест оказался слишком резким, почти инстинктивным. За последние дни мобильник превратился в предмет, которому нельзя доверять никому. Ни Олегу, способному читать сообщения с планшета. Ни Максиму, который много лет молчал о возможном отцовстве. Ни самой себе, потому что каждое написанное слово могло стать новым доказательством моей нестабильности.

— Я не полезу в переписку, — сказал Максим.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. И правильно делаешь.

Он объяснил, где посмотреть настройки. Доступ к геолокации действительно был включён для семейного аккаунта. Раньше я сама считала это удобным. Можно найти телефон, если потерялся. Посмотреть, дошёл ли Миша до школы. Проверить, где Олег, если он едет за нами и не отвечает за рулём.

Теперь на карте отображалась моя точка.

Прямо возле кафе.

Я выключила доступ.

Сердце билось так сильно, будто совершила преступление.

— Он увидит? — спросила я.

— Возможно.

Телефон снова завибрировал.

«Почему отключила геолокацию?»

Я показала экран Максиму.

Он тихо выругался.

— Он действительно смотрел, — сказала я.

— Поезжай домой.

— А разговор?

— Продолжим позже.

— Нет.

— Вера.

— Я не вернусь к нему, пока не пойму хотя бы основное.

Максим посмотрел на часы.

— У тебя есть несколько минут.

— Тогда говори быстро. Что ещё ты скрываешь?

Он провёл ладонью по затылку. Снова тот же жест, который я столько раз видела у Олега. Раньше он казался случайным сходством привычек двух друзей. Теперь любое совпадение обретало новый смысл, даже если я пыталась сопротивляться.

— Я не уверен, сколько знал Олег и какие документы оформлял, — сказал Максим. — Он утверждал, что ты со-

гласилась на анонимного донора. Я передал материал через клинику. Официально или нет — не понимаю до сих пор. Подписал бумаги, которые дал врач. Потом Олег сообщил, что всё отменилось. Через несколько месяцев ты забеременела. Он попросил больше никогда не возвращаться к теме.

— И ты послушался.

— Да.

— Даже когда Миша становился всё больше похож на тебя?

Максим закрыл глаза.

— Я пытался убедить себя, что это совпадение.

— Аллергия тоже?

— О ней я узнал вчера.

— Но сразу понял.

— Да.

— Поэтому написал про фотографии.

— Да.

— Ты решил, что одного дня недостаточно, чтобы разрушить мою жизнь. Нужно добавить старые снимки.

— Я хотел, чтобы ты не позволила Олегу забрать сына до того, как узнаешь правду.

— Какую правду? У тебя пока нет доказательств.

— Я знаю.

— Тогда что именно ты делаешь?

В голосе снова появилась злость. Я уже не пыталась сдерживать каждую эмоцию. Рядом не было Миши. Не было Оле-

га с его папкой. Не было психолога, способного превратить дрожащий голос в диагноз. Только Максим и его поздние признания.

— Ты двенадцать лет молчал, — сказала я. — Приходил в наш дом, смотрел на моего ребёнка и убеждал себя, что ничего не происходит. Потом Олег решил развестись, и ты внезапно вспомнил о совести. Почему именно сейчас?

Максим ответил не сразу.

— Потому что раньше Миша был рядом с тобой.

— И с Олегом.

— Да.

— А теперь?

— Теперь Олег хочет оставить его без тебя.

— И это тебя беспокоит?

— Это меня пугает.

— Почему?

Он посмотрел прямо мне в глаза.

— Потому что Олег не умеет любить, не превращая любовь в право собственности.

Я хотела возразить.

Не смогла.

В памяти возникла синяя папка. Проект соглашения. Фотографии чашек в раковине. Записи о звонках сыну. Спокойное объяснение: хорошей матери иногда нужно признать, что ребёнку будет лучше в другом месте.

— Он любит Мишу, — сказала я.

— Я знаю.

— Ты сейчас пытаешься убедить меня в обратном?

— Нет. Он любит его. Но считает своим. Не только как отец. Как человек, который однажды принял решение и больше никому не позволит его пересматривать.

— Даже мне.

— Особенно тебе.

Я отвернулась.

Несколько секунд мы молчали.

Телефон снова загорелся.

Олег звонил.

Я смотрела на экран и не нажимала кнопку ответа.

Один звонок. Второй. Третий.

Максим наблюдал молча.

На четвёртый раз я всё-таки приняла вызов.

— Да.

— Ты где?

Голос мужа звучал спокойно, но слишком отчётливо. Я представила его в машине или возле подъезда, с телефоном у уха и привычной складкой между бровями.

— В аптеке.

— В какой?

Вопрос застал врасплох.

— Возле дома.

— Там нет очереди. Я только что проехал мимо.

Я посмотрела на Максима.

— Я зашла в другую.

— Зачем?

— Здесь были нужные лекарства.

— Какие именно?

В груди поднималась тревога. Не потому, что я боялась разоблачения. Потому что впервые ясно услышала: Олег не спрашивает из беспокойства. Он проверяет версию.

— Я скоро вернусь.

— Вера, ответь, где ты.

— Я сказала.

— Ты отключила геолокацию.

— У телефона садится батарея.

Ложь получилась слабой. Я понимала. Олег тоже.

— Ты с Максимом?

В кафе стало слишком тихо.

Я посмотрела в окно. На другой стороне улицы остановилась чёрная машина. Не наша. Другая марка. Через секунду поехала дальше.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что он пытается использовать тебя.

— Для чего?

— Мы поговорим дома.

— Нет. Скажи сейчас.

— Не по телефону.

Я почти рассмеялась.

Одинаковые слова.

Олег и Максим говорили одними и теми же фразами, но каждый требовал поверить именно ему.

— Вера, — произнёс муж мягче. — Возвращайся. Миша спрашивает, где ты.

Это сработало.

Конечно, сработало.

Я сразу встала.

— Еду.

— Где ты?

— Скоро буду.

Я отключилась.

Максим поднялся следом.

— Не говори ему, что знаешь.

— Почему?

— Пока у нас нет документов.

— У нас?

— У тебя. Прости.

— Ты всё время говоришь так, словно имеешь право участвовать.

Он побледнел.

— Знаю.

— Не говори этого слова.

— Хорошо.

Я надела пальто и взяла сумку. Руки дрожали, но теперь от злости, не от холода.

— Вера, — позвал Максим.

Я остановилась.

Он достал из лежавшей на соседнем стуле картонной папки один лист. Протянул мне.

— Что это?

— Копия.

Я не взяла сразу.

— Чего?

— Одного из результатов обследования Олега. Того, что он показывал мне тогда. Я нашёл у себя среди старых документов.

— Почему он был у тебя?

— Олег оставил папку у меня. Потом забрал, но один лист оказался среди моих бумаг. Возможно, случайно.

Я посмотрела на белый лист.

Фамилия мужа. Имя. Отчество. Дата. Название клиники. Несколько строк медицинских обозначений, почти ничего мне не говоривших. Внизу стояло заключение, написанное сухим профессиональным языком.

Отдельные слова я понимала.

«Выраженные нарушения».
«Крайне низкая вероятность».
«Рекомендовано дополнительное обследование».
«Рассмотреть использование донорского материала».

Я читала медленно.

Потом ещё раз.

Дата стояла за несколько месяцев до того дня, когда Олег

сообщил мне, что результаты стали лучше.

— Это настоящее? — спросила я.

— Насколько знаю, да.

— Насколько знаешь?

— Я не могу доказать подлинность одного листа. Нужны архивы клиники.

— Почему ты не показал вчера?

— Потому что не успел найти.

Я сложила бумагу пополам.

— Не делай этого, — сказал Максим.

— Чего?

— Не складывай. Положи в папку.

— Боишься, что испорчу единственное доказательство?

— Да.

Он передал прозрачный файл. Я вложила лист внутрь и убрала в сумку между Мишиными лекарствами и упаковкой влажных салфеток.

Обычная спортивная сумка.

Вчера в ней лежали футболка, зарядка и детская книга.

Сегодня — бумага, способная превратить пятнадцать лет брака в тщательно продуманную ложь.

— Что ты собираешься делать? — спросил Максим.

— Вернуться к сыну.

— А потом?

Я застегнула сумку.

— Поговорить с мужем.

— Не одна.

— Это моя семья.

— Вера.

— Не смей говорить мне, что делать. Ни ты, ни Олег. Хватит.

Максим сжал губы и кивнул.

— Хорошо.

Я пошла к выходу.

Возле двери он догнал меня, но остановился на расстоянии.

— Я не прошу верить мне, — сказал тихо. — После того, что сделал, не имею права. Но если Олег предложит подписать документы, забрать Мишу куда-нибудь на несколько дней или решить всё без адвоката — не соглашайся.

— Почему?

— Потому что он уже понимает: я заговорил.

— И?

Максим посмотрел на улицу.

— И постарается сделать так, чтобы ты не успела разобратся.

Я вышла из кафе.

Холодный воздух ударил в лицо. Дождь закончился, но тротуар блестел, отражая серое небо и вывески магазинов. До дома действительно оставалось несколько минут пешком. Я могла бы пройти их медленно, попытаться успокоиться и решить, что скажу Олегу.

Но уже через несколько шагов почти побежала.

Не из-за мужа.

Из-за Миши.

Мне нужно было увидеть сына. Убедиться, что он дома, сидит на диване, смотрит телефон или спорит с Наташей о правилах настольной игры. Услышать его голос. Коснуться волос. Проверить дыхание, хотя врач сказал, что опасность миновала.

Подъездная дверь оказалась открыта.

Я поднялась на этаж и достала ключи. Ладонь дрожала так сильно, что металлический край несколько раз скользнул мимо замка.

Дверь распахнулась раньше, чем я справилась.

На пороге стоял Олег.

Без пальто. В рубашке с закатанными рукавами. Лицо спокойное, почти бесстрастное. Только взгляд слишком внимательный.

— Где ты была? — спросил он.

Я посмотрела за его плечо.

В гостиной сидел Миша, накрыв ноги пледом. Наташа устроилась рядом и что-то показывала ему в телефоне. Сын заметил меня, улыбнулся и поднял руку.

— Мам, ты купила таблетки?

— Купила.

Голос прозвучал нормально.

Почти.

Я вошла, сняла пальто и поставила сумку возле тумбы. Олег не двигался. Стоял рядом, ожидая ответа.

— Ты была не в аптеке, — сказал он негромко.

— Была.

— В какой?

— Почему это так важно?

— Потому что ты солгала.

Я посмотрела на мужа.

На человека, с которым прожила пятнадцать лет. Мужчину, державшего меня за руку в клинике и обещавшего, что всё получится. Отца, сидевшего вчера у кровати Миши. Человека, чья фамилия стояла на бумаге в моей сумке рядом со словами о донорском материале.

— Нам нужно поговорить, — сказала я.

Олег едва заметно напрягся.

— О чём?

— Не здесь.

— Тогда пройдем на кухню.

Я посмотрела на Наташу. Она поняла без слов и кивнула. Миша снова уткнулся в телефон, хотя наверняка слушал каждое движение.

Мы вошли в кухню.

Ту самую, где два вечера назад Олег положил передо мной синюю папку.

Он прикрыл дверь и остановился возле стола.

— Ты встречалась с Максимом?

Я не ответила сразу.

— Зачем тебе моя геолокация?

— Чтобы понимать, где ты. У нас ребёнок только что вернулся из больницы, а ты исчезаешь почти на час и не отвечаешь нормально.

— Я отвечала.

— Лгала.

— Ты тоже.

Олег замер.

Всего на секунду.

Но я заметила.

— Что сказал тебе Максим? — спросил он.

— Сначала ответь на один вопрос.

— Не начинай разговор с обвинений.

— Это не обвинение.

Я чувствовала, как сердце бьётся где-то у самого горла. Ладони снова стали холодными, но голос оставался ровным. Возможно, впервые за последние дни мне действительно удалось говорить именно так, как требовал Олег. Спокойно. Без слёз. Без крика. Без единого лишнего движения.

Только теперь его почему-то не радовало моё спокойствие.

— Какой вопрос? — произнёс он.

Я смотрела ему в глаза.

— Ты можешь иметь детей?

Тишина возникла мгновенно.

За дверью Миша что-то спросил у Наташи. Она ответила слишком громко, явно пытаясь отвлечь его. На улице проехала машина. В холодильнике щёлкнуло реле.

Олег не изменился в лице.

Но не ответил.

И этого оказалось достаточно.

— Откуда у тебя эта информация? — спросил он после паузы.

Я почувствовала, как внутри окончательно исчезает последняя надежда.

Невиновный человек сказал бы: «Что за глупость?» Удивился бы. Рассмеялся. Потребовал объяснений. Возможно, обиделся.

Олег спросил, откуда я узнала.

— Значит, это правда, — произнесла я.

Он медленно выдохнул.

— Вера, сейчас не время.

Я почти улыбнулась.

Та же фраза.

Всегда не время.

Не время задавать вопросы. Не время повышать голос. Не время узнавать правду. Не время решать собственную судьбу.

— Наоборот, — сказала я. — Мне кажется, время наступило двенадцать лет назад. Просто ты решил, что я обойдусь без него.

Олег посмотрел на закрытую дверь кухни, за которой сидел Миша.

Потом снова на меня.

— Что именно рассказал Максим?

— Пока недостаточно.

— Не верь ему.

— Почему?

— Потому что он не тот человек, за которого ты его принимаешь.

— А ты?

Муж молчал.

Я сделала шаг ближе.

— Кто ты, Олег?

Впервые за пятнадцать лет он не нашёл ответа сразу.

И в этой короткой паузе я поняла: разговор, которого боялся Максим, только начинается.

Глава 7. Женщина, которой солгали все

— Кто ты, Олег?

Он стоял у кухонного стола и смотрел на меня так внимательно, будто вопрос оказался сложнее, чем должен был. За закрытой дверью гостиной тихо переговаривались Наташа и Миша. Иногда доносился приглушённый звук телефона: сын показывал ей что-то смешное или пытался сделать вид, что смотрит ролики, а не прислушивается к каждому нашему слову.

Я знала Мишу слишком хорошо.

Он слушал.

Возможно, не разбирал фраз. Возможно, слышал только голоса. Но уже научился угадывать опасность по паузам, по слишком тихим ответам, по тому, как взрослые прикрывают двери и начинают говорить подчеркнуто спокойно.

Ещё три дня назад я считала, что главное в воспитании ребёнка — научить его не переходить дорогу на красный свет, уметь признавать ошибки и не бояться просить помощи. Теперь мой сын учился другому: понимать, когда родители лгут, даже если оба улыбаются.

— Я твой муж, — ответил Олег наконец.

— Нет.

Слово прозвучало тихо.

— Вера.

— Мой муж не стал бы пятнадцать лет скрывать от меня, что не может иметь детей.

Олег помолчал.

На его лице не появилось ни удивления, ни испуга. Только усталость. Будто он давно представлял этот разговор и заранее знал, насколько бессмысленно пытаться объяснить мне очевидное.

— Сядь, — сказал он.

— Я постою.

— Не устраивай спектакль.

Я почувствовала, как внутри вспыхивает злость.

— Спектакль?

— Ты пришла домой после больницы, пропала почти на час, отключила геолокацию, солгала, что стоишь в аптеке, а теперь начинаешь разговор на повышенных тонах в квартире, где находится ребёнок. Да. Я называю это спектаклем.

— Я не повышала голос.

— Пока.

Одно короткое слово.

Сказанное спокойно. Без насмешки. Почти заботливо.

Пока.

Как будто Олег уже знал продолжение сцены. Я закричу. Заплачу. Попытаюсь обвинить. Может быть, ударю ладонью по столу или распахну дверь, чтобы выйти из кухни. Он оста-

нется стоять неподвижно и потом запишет в свою таблицу ещё одну строчку.

«Эмоциональная реакция супруги в присутствии несовершеннолетнего».

Я выдохнула и медленно опустилась на стул.

Не потому, что он велел.

Потому что не хотела дать ему ни одного удобного движения.

Олег сел напротив.

Между нами оказался пустой стол. Несколько дней назад на этом месте лежала синяя папка. Сейчас поверхность была чистой, только возле края осталась маленькая царапина, которую Миша когда-то сделал циркулем, пытаясь вырезать на столешнице инициалы. Тогда Олег рассердился, потом рассмеялся и сказал, что сыну придётся стать знаменитым, чтобы испорченная мебель однажды выросла в цене.

Я смотрела на эту царапину и думала о том, насколько легко воспоминания меняют значение.

Раньше они доказывали, что у нас была семья.

Теперь каждое могло оказаться частью декорации.

— Давай говорить нормально, — сказал Олег. — Без намёков и истерик. Что рассказал тебе Максим?

— Я задала вопрос первой.

— И я на него отвечаю, когда пойму, насколько далеко он зашёл.

— Почему тебя так волнует, что именно он рассказал?

— Потому что Максим пытается использовать нашу ситуацию, чтобы решить собственные проблемы.

— Какие?

— Деловые.

— Не повторяй эту чушь. Деловые проблемы не объясняют, почему он знает о твоём диагнозе. Не объясняют, почему он был в клинике. Не объясняют, почему мой сын похож на него.

Последняя фраза вырвалась сама.

До этого я произносила её только Наташе. Потом — Максиму, сидя в его машине под дождём. Но сказать такое Олегу оказалось страшнее. Будто слова обладали силой, способной окончательно разрушить любую возможность вернуться назад.

Муж замер.

Совсем ненадолго. Если бы я не смотрела прямо на него, могла бы не заметить. Только правая рука, лежавшая на столе, медленно сжалась.

— Миша похож на многих людей, — сказал он.

— На тебя?

— На меня тоже.

— Чем?

Олег нахмурился.

— Что за вопрос?

— Нормальный вопрос. Чем он похож на тебя?

— Ты действительно собираешься сидеть на кухне и срав-

нивать черты лица нашего сына, будто рассматриваешь фотографии подозреваемых?

Нашего сына.

Он произнёс эти слова уверенно. Без запинки. Не как человек, застигнутый врасплох, а как отец, которому неприятна сама мысль о сомнениях.

Я почти хотела поверить.

Очень хотела.

Пусть Максим солгал. Пусть решил ударить Олега по самому больному месту. Пусть подделал бумагу, придумал историю о клинике и использовал случайное сходство, которое стало заметно только потому, что я начала искать. Пусть редкая аллергия действительно оказалась совпадением.

Любое объяснение лучше мысли, что мужчина напротив годами знал правду и молчал.

— Ответь, — сказала я. — Ты можешь иметь детей?

Олег отвёл взгляд.

— У меня были медицинские проблемы.

— Были?

— Да.

— Прошли?

— Вера, обсуждать подробности моего здоровья в такой форме унизительно.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается ярость.

— Уни-зительно?

Слово пришлось произнести медленно, по частям, потому

что целиком оно не помещалось в голове.

— Да. Представь себе. Мужчины тоже имеют право на личные границы.

— Ты серьёзно сейчас говоришь о личных границах? После того как прочитал мою переписку с Наташей, сфотографировал лекарства в моей тумбочке и положил в папку старые выписки от невролога?

— Это другое.

— Конечно. Твои медицинские документы — личная граница. Мои — доказательство для суда.

— Твои документы имеют отношение к состоянию ребёнка.

— А твои — к его рождению.

Олег резко поднял голову.

— Тише.

Я рассмеялась.

Коротко. Безрадостно.

— Вот что тебя беспокоит?

— Меня беспокоит, что Миша сидит в соседней комнате.

— Он сидит там и думает, что его мать скоро уйдёт из дома, потому что ей нужно от него отдохнуть.

— Мы уже обсуждали это.

— Нет. Ты объяснил ему свою версию. Заранее. Пока я ничего не знала.

— Потому что кто-то должен был подготовить ребёнка к переменам.

— Почему не оба родителя?

— Потому что ты не умеешь спокойно говорить о сложных вещах.

Он снова сказал это таким тоном, будто речь шла о давно установленном диагнозе.

Ты не умеешь.

Ты слишком тревожная.

Ты устраиваешь сцены.

Ты накручиваешь себя.

Ты портишь ребёнку жизнь своими эмоциями.

Я смотрела на Олега и впервые видела весь механизм целиком. Он работал не несколько дней. Не с момента, когда муж решил разводиться. Намного дольше. Возможно, годы.

Когда я плакала после отрицательного теста на беременность, Олег говорил, что мне нужно взять себя в руки.

Когда боялась за Мишу, он называл это излишней тревожностью.

Когда спрашивала, почему муж задерживается, объяснял, что я всё драматизирую.

Когда замечала странности, убеждал не искать проблемы там, где их нет.

Каждый раз его спокойствие выглядело признаком зрелости.

Теперь оказалось оружием.

— Хорошо, — сказала я. — Я буду говорить очень спокойно. Максим показал мне результат твоего обследования.

Там написано, что вероятность зачатия практически отсутствует и врач рекомендует рассмотреть использование донорского материала. Бумага датирована несколькими месяцами раньше моей беременности.

Лицо Олега изменилось.

Не сильно.

Он не вздрогнул, не побледнел, не вскочил со стула. Только взгляд стал другим. Более жёстким. Холодным.

— Где документ?

— Это важно?

— Да.

— Почему?

— Потому что Максим не имел права хранить мои медицинские данные.

— А ты имел право хранить мои?

— Где бумага, Вера?

— В надёжном месте.

Ложь получилась неожиданно уверенной.

Лист лежал в спортивной сумке возле входной двери, между упаковкой лекарств, детской книгой и влажными салфетками. Достаточно было пройти несколько шагов, расстегнуть молнию и достать прозрачный файл.

Но я не собиралась говорить.

Олег посмотрел на дверь кухни.

Я поняла: он тоже вспомнил о сумке.

Встала раньше, чем успела подумать.

— Не трогай мои вещи.

Он перевёл взгляд на меня.

— Я не собирался.

— Ты посмотрел на сумку.

— Потому что ты сама туда посмотрела.

Я замерла.

Не заметила собственного движения. Не знала, что глаза выдали мысль быстрее слов.

Олег всегда умел видеть такие мелочи. Именно поэтому успешно вёл переговоры. Понимал, когда собеседник блефует, когда начинает нервничать, когда готов уступить. Раньше мне нравилось наблюдать за ним в компании. Он редко говорил больше остальных, но почти всегда в конце получал то, чего хотел.

Теперь переговоры шли со мной.

— Бумага ничего не доказывает, — сказал он.

— Значит, настоящая?

— Я не собираюсь обсуждать диагноз тринадцатилетней давности.

— Почему?

— Потому что он не имеет отношения к нашей нынешней жизни.

— К рождению Миши имеет.

— Не говори так.

— Как?

— Не произноси его имя в этом контексте.

Впервые в голосе Олега появилось настоящее напряжение.

— В каком контексте? — спросила я. — В контексте твоего бесплодия? Донорского материала? Или того, что Максим считает себя возможным отцом моего сына?

Стул резко отлетел назад.

Олег встал.

Движение получилось настолько неожиданным, что я тоже отшатнулась. Он ударил ладонью по столу. Не сильно, но чашка возле кофемашины дрогнула и звякнула о блюдец.

— Хватит!

За дверью гостиной стало тихо.

Совсем тихо.

Миша слышал.

Конечно, слышал.

Олег тоже понял это сразу. Несколько секунд стоял неподвижно, тяжело дыша. Потом медленно выпрямился и провёл ладонью по лицу.

— Прекрати, — повторил уже тише. — Немедленно.

Я смотрела на него и не могла отвести глаз.

За пятнадцать лет брака Олег повышал голос считанные разы. Даже во время самых серьёзных ссор оставался собранным. Иногда это раздражало. Хотелось заставить его наконец показать эмоцию, признать, что ему не всё равно.

Теперь эмоция появилась.

Не когда я спросила о диагнозе.

Не когда обвинила его во лжи.

Когда произнесла имя Максима рядом со словом «отец».

— Значит, он сказал правду, — произнесла я.

— Он сказал ровно то, что хотел сказать.

— Ответь прямо. Миша может быть его сыном?

Олег отвернулся к окну.

— Я отец Миши.

— Это не ответ.

— Единственный, который имеет значение.

— Для тебя.

— Для ребёнка.

— А для меня?

Он резко повернулся.

— Ты сейчас думаешь о себе. Только о себе. О своём оскорблённом достоинстве, о желании докопаться до деталей, которые ничего не изменяют. Тебе нужна правда? Хорошо. Что ты собираешься делать с этой правдой? Прийти к Мише и сказать: «Знаешь, сынок, мужчина, которого ты двенадцать лет называл папой, возможно, тебе никто»? Поташить ребёнка на тесты? Поставить его перед выбором? Разрушить всё, что у него есть, потому что Максим решил внезапно вспомнить о совести?

— Ты разрушил всё сам.

— Нет.

Олег произнёс это с такой уверенностью, что я замолчала.

— Я создал семью, — продолжил он. — Я был рядом с

тобой. Я был рядом с ним. Все эти годы. Не Максим. Не кто-то другой. Я. Когда Миша болел — я сидел возле его кровати. Когда ему удаляли аппендикс — я ночевал в коридоре больницы. Когда он пошёл в первый класс — я держал его за руку. Когда боялся воды — я учил его плавать. Когда получал двойки — я разговаривал с учителями. Я его отец.

— Тогда почему скрывал правду от меня?

— Потому что знал, что ты сделаешь именно это.

Он обвёл рукой кухню, словно мой вопрос уже являлся доказательством.

— Что именно?

— Превратишь всё в катастрофу.

— Ты солгал мне о том, как появился мой ребёнок.

— У тебя есть ребёнок.

Фраза прозвучала почти спокойно.

Именно поэтому несколько секунд я не понимала смысл.

— Что?

— У тебя есть Миша. Ты его хотела. Ты мечтала стать матерью. Плакала после каждого неудачного месяца. Обходила врачей. Читала бесконечные статьи. Винаила себя. Я видел, что с тобой происходило. И сделал всё, чтобы у нас появился ребёнок.

Я смотрела на мужа.

— Ты сделал?

Он замер.

Слишком поздно.

Слова уже прозвучали.

— Что именно ты сделал, Олег?

— Не цепляйся к формулировкам.

— Нет. Повтори.

— Я сказал, что мы сделали всё возможное.

— Нет. Ты сказал: «Я сделал всё».

— Вера.

— Как именно ты дал мне ребёнка?

Голос дрожал.

Я больше не могла удерживать его ровным. Не хотела. Пусть Олег записывает. Пусть приносит в суд. Пусть объясняет любому психологу, что женщина заплакала, когда узнала: её собственным телом распоряжались без её ведома.

— Ты выбрал донора? — спросила я. — Сам? Без меня?

Олег смотрел молча.

— Ты принёс в клинику материал Максима?

— Не говори о вещах, которых не понимаешь.

— Объясни.

— Сейчас не место.

— Это мой дом.

— За дверью сидит Миша.

— Тогда пойдём куда угодно. В машину. Во двор. В кабинет. Но ты ответишь.

— Я не обязан участвовать в допросе.

— Обязан. Я твоя жена.

Олег усмехнулся.

— Ты уже не ведёшь себя как жена.

— А ты когда перестал вести себя как муж? Когда получил диагноз и решил, что проще обмануть меня? Когда попросил друга стать донором? Когда дал мне подписать бумаги, не объясняя, что внутри? Или когда начал собирать документы, чтобы оставить меня без сына?

— Ты не знаешь, что подписывала?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Я замерла.

— Что?

— В клинике тебе давали документы. Согласия. Анкеты. Ты сама всё подписывала.

— Мне не говорили о Максиме.

— Имя донора не имеет значения.

— Для кого?

— Для процедуры.

— Для процедуры? — повторила я. — Мы сейчас говорим о моём сыне.

— Именно поэтому я прошу не превращать медицинские детали в дешёвую драму.

— Дешёвую драму?

Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Ты выбрал друга, которого потом годами приводил к нам домой. Он сидел за нашим столом. Держал Мишу на руках. Дарил подарки. Смотрел, как растёт ребёнок, который может оказаться его сыном. И ты называешь это медицин-

скими деталями?

Олег снова сжал пальцы.

— Максим не имеет к Мише никакого отношения.

— Потому что ты так решил?

— Потому что он согласился на условия.

— Какие условия?

— Неважно.

— Мне важно.

— Тебе сейчас важно уничтожить семью из-за своей мнительности.

Я не поверила собственным ушам.

— Моей мнительности?

— Да.

— Ты признаёшь, что скрывал от меня диагноз. Практически признаёшь, что использовал донорский материал друга. И всё равно называешь меня мнительной?

— Я признаю только одно: тринадцать лет назад мы проходили лечение. У нас появился сын. Всё остальное Максим преподносит так, чтобы заставить тебя сомневаться во мне.

— А я должна не сомневаться?

— Ты должна подумать о ребёнке.

— Я думаю только о нём.

— Нет. Ты снова думаешь о собственных чувствах.

Голос Олега стал тише. Он сел обратно, словно хотел показать, что способен контролировать себя лучше меня. Снова принял спокойную, почти усталую позу. Провёл ладонью

по столешнице, задержав пальцы возле Мишиной царапины.

— Вера, послушай меня, — сказал он. — Я понимаю, что тебе больно. Понимаю, что Максим подал информацию так, будто все вокруг годами участвовали в заговоре. Но ты не должна позволять ему разрушить жизнь Миши.

— Заговор?

— Да.

— Как иначе назвать ситуацию, когда два мужчины обсуждают моё материнство без меня?

— Не было никаких двух мужчин, обсуждающих твоё материнство.

— Тогда что было?

— Попытка решить проблему.

— Чью?

Он замолчал.

— Твою, — сказала я сама. — Не мою. Твою. Ты не мог иметь детей и не захотел признаться. Не захотел выглядеть слабым. Не захотел дать мне право решить, готова ли я на донора, хочу ли усыновить ребёнка, хочу ли продолжать лечение, хочу ли вообще оставаться с тобой. Ты выбрал единственный вариант, в котором продолжаешь управлять всем.

— Ты бы не поняла.

Фраза прозвучала тихо.

Я смотрела на Олега и чувствовала, как исчезает последняя часть прежней жизни.

Не поняла бы.

Именно так он думал обо мне.

Не как о жене. Не как о человеке, способном выдержать трудный разговор. Не как о женщине, имеющей право решать, что происходит с её телом.

Как о ком-то, кого нужно аккуратно провести через нужные действия, не раскрывая лишних подробностей.

— Ты даже не спросил, — произнесла я.

— Потому что знал тебя.

— Нет. Ты никогда меня не знал.

Дверь кухни открылась.

Миша стоял на пороге.

Он был бледнее, чем утром. После больницы лицо ещё не вернуло обычный цвет, под глазами оставались тени. На нём была домашняя толстовка, капюшон съехал на одно плечо. В руках сын держал телефон, но экран погас.

За его спиной стояла Наташа.

Она явно пыталась удержать Мишу в гостиной, однако не стала хватать его за руку или возвращать силой. Только смотрела на меня с тревогой.

— Вы опять ругаетесь? — спросил сын.

Я встала.

— Нет, Миш.

Он перевёл взгляд на Олега.

— Папа кричал.

— Я не должен был, — сказал Олег. — Прости.

Миша нахмурился.

— Из-за дяди Макса?

Внутри всё оборвалось.

Олег застыл.

Наташа быстро посмотрела на меня.

— Почему ты спрашиваешь? — произнесла я.

— Вы говорили его имя.

— Миш, это взрослый разговор.

— Все разговоры теперь взрослые.

Он сказал это без злости. Устало.

Двенадцатилетний ребёнок стоял в дверях собственной кухни и уже понимал: взрослые используют его возраст, когда не хотят отвечать. Сначала говорят, что он достаточно взрослый, чтобы подготовиться к разводу. Потом — что слишком маленький, чтобы знать причины.

— Дядя Макс что-то сделал? — спросил он.

— Нет, — ответил Олег сразу. — Ничего такого, о чём тебе нужно переживать.

— Тогда почему вы ругаетесь?

— Потому что мама сейчас очень нервничает.

Я посмотрела на мужа.

Он произнёс это мягко. Почти печально. Не обвиняя. Словно объяснял сыну каприз больного человека.

— Я не нервничаю, — сказала я.

— Вера, пожалуйста.

— Нет. Не говори за меня.

— Сейчас не время.

— Прекрати повторять эту фразу.

Миша отступил на шаг.

Я увидела.

Сразу.

Он испугался не Олега. Не документов. Не чужого имени. Моего голоса, который опять стал громче. Именно так всё работало. Олег мог сказать что угодно, а потом спокойно смотреть, как я ломаюсь под тяжестью его слов. И ребёнок запоминал только одно: мама снова кричит.

Я заставила себя выдохнуть.

Подошла к сыну медленно, чтобы не напугать ещё сильнее.

— Прости, — сказала я. — Мы действительно говорили слишком громко.

— Ты плакала?

Я коснулась щеки.

Не заметила, когда появились слёзы.

— Немного.

— Из-за папы?

Я не ответила.

— Миш, — вмешался Олег, — тебе нужно лечь. После больницы нельзя волноваться.

— Я не волнуюсь.

— Конечно. Просто отдохни.

— Я хочу остаться с мамой.

Олег замолчал.

Миша подошёл ближе и взял меня за руку. Давно не делал этого сам. Обычно позволял обнять, если никто не видел, но держаться за руку считал слишком детским. Сейчас его пальцы сжали мои крепко, почти болезненно.

Я накрыла их ладонью.

— Пойдём, — сказала я. — Я посижу с тобой.

— Вера, — произнёс Олег.

Я повернулась.

— Что?

— Мы не закончили.

— Для сегодня закончили.

— Нам нужно договорить.

— Не при Мише.

— Тогда уложи его и спускайся.

В его тоне снова появилась уверенность человека, привыкшего назначать порядок действий.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Значит, я не хочу сегодня продолжать.

— Ты начала этот разговор.

— А теперь заканчиваю.

На секунду Олег посмотрел так, словно не узнал меня.

Раньше я редко уходила из разговора первой. Не умела оставлять неразрешённые вопросы до завтра. Пыталась выяснить всё сразу, добиться ответа, проговорить каждую обиду. Олег иногда усмехался и говорил, что я неспособна лечь

спать, пока не проведу полное расследование отношений.

Теперь мне впервые не требовалось его согласие, чтобы остановиться.

Я поднялась с Мишей наверх.

Сын шёл медленно. После больницы быстро уставал, хотя старался не показывать. В комнате сел на кровать и тут же потянулся за телефоном, но не включил экран. Просто держал в руках.

— Тебе плохо? — спросила я.

— Нет.

— Горло не давит?

— Нет.

— Голова?

— Нормально.

Я села рядом.

Несколько секунд Миша молчал, глядя на собственные пальцы.

— Мам.

— Да?

— Папа хочет, чтобы я жил с ним?

Я закрыла глаза на секунду.

— Папа думает, что так будет лучше.

— А ты?

— Я хочу, чтобы ты жил со мной.

— А я могу выбрать?

Вопрос оказался слишком тяжёлым для его возраста.

— Тебе не нужно сейчас выбирать.

— Но потом?

— Мы постараемся решить всё так, чтобы тебе было хорошо.

Миша нахмурился.

— Вы всё время говорите одинаково. «Тебе не нужно переживать». «Всё будет хорошо». «Это взрослые дела». А потом папа говорит, что ты уедешь, ты плачешь на кухне, дядя Макс зачем-то приезжает в больницу, и вы снова ругаетесь.

Я не знала, что ответить.

Сын посмотрел прямо на меня.

— Ты правда не хочешь от меня отдохнуть?

Внутри снова стало больно.

— Нет. Никогда.

— Даже если я плохо учусь?

— Даже если получишь десять двоек подряд.

— Такого не будет.

— Надеюсь.

— Даже если я не буду убирать вещи?

— Тогда мы будем ругаться из-за вещей. Но я никуда не уйду.

Он кивнул.

Несколько секунд молчал, затем спросил:

— А дядя Макс тут при чём?

Я смотрела на его лицо.

На знакомый наклон головы. На тёмные волосы, падаю-

щие на лоб. На ямочку на подбородке, которая становилась заметнее, когда Миша сжимал губы. На привычку смотреть исподлобья, если подозревал, что взрослые обходят вопрос.

Фотография молодого Максима возникла перед глазами слишком отчётливо.

— Он давно дружит с папой, — сказала я.

— Уже нет?

— Не знаю.

— Папа на него злится.

— Похоже.

— Почему?

— Они должны сами разобраться.

Ответ был уклончивым.

Миша понял.

— Ты тоже не хочешь говорить.

— Я не хочу сказать что-то неправильное раньше времени.

— Потому что я маленький?

— Потому что сначала сама должна понять.

Он опустил взгляд.

— Когда поймёшь, скажешь?

Я почувствовала, как сжимается горло.

— Постараюсь.

— Это не «да».

Двенадцать лет.

Всего двенадцать.

Но за несколько дней мой сын научился различать обещания, за которыми нет уверенности.

— Да, — сказала я. — Когда пойму, я поговорю с тобой. Честно. Настолько, насколько смогу.

Миша кивнул.

Потом лёг, подтянул плед к подбородку и повернулся к стене. Я сидела рядом, пока дыхание не стало ровным. Несколько раз сын шевелился, будто хотел ещё что-то спросить, но в конце концов уснул.

В коридоре ждала Наташа.

Она прислонилась к стене и держала руки скрещенными на груди. Когда я прикрыла дверь, молча кивнула в сторону лестницы.

Внизу было тихо.

Олега в гостиной не оказалось.

Спортивная сумка стояла там же, где я оставила. Молния закрыта. Я сразу подошла, расстегнула и проверила прозрачный файл.

Бумага лежала внутри.

Только после этого смогла вдохнуть.

— Он ушёл? — спросила я.

— Вышел во двор. Кому-то звонит.

— Слышала?

— Только то, что говорил негромко. И имя Максима.

Я опустила на диван.

Наташа села рядом.

Несколько секунд мы молчали.

— Расскажешь? — спросила она.

Я смотрела на бумагу в файле и не понимала, с чего начинать. С диагноза. С клиники. С донорского материала. С того, что муж, возможно, однажды убедил друга отдать часть себя для создания ребёнка и не посчитал нужным предупредить женщину, которая этого ребёнка вынашивала.

— Олег практически признался, — сказала я.

— В чём?

— Не прямо. Но признался.

— Что Максим может быть отцом?

Я кивнула.

Слова всё ещё казались невозможными.

— Господи, — тихо произнесла Наташа.

— Он говорит, что это неважно.

— Конечно, важно.

— Нет. В каком-то смысле я понимаю.

Подруга посмотрела внимательно.

— Что именно?

— Олег действительно отец Миши. Он растил его. Любит.

Был рядом все годы. Биология ничего не отменяет.

— Это правда.

— Но он солгал мне.

— Да.

— Не просто солгал. Решил за меня. Наверное, выбрал Максима. Отвёз что-то в клинику. Дал подписать бумаги.

Потом пятнадцать лет делал вид, что всё произошло нормально.

— Двенадцать, — поправила Наташа.

— Ложь началась раньше.

Я смотрела на лист в прозрачном файле.

— Сначала не сказал о диагнозе. Потом договорился с Максимом. Потом что-то сделал в клинике. Потом сообщил обоим разные версии. Мне сказал, что лечение помогло. Максиму — что его материал не использовали. А теперь собирает документы, чтобы оставить сына себе.

— Нужно поговорить с адвокатом.

— Да.

— Сегодня.

— Да.

Наташа взяла мой телефон.

— Я сейчас позвоню.

— Нет.

— Вер.

— Не с моего телефона.

Она замерла.

Я рассказала про семейный аккаунт и геолокацию. Про то, как Олег сразу заметил отключение. Про планшет, на котором осталась моя переписка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.